

Алексей Козлов

ГОРОДЪ
НЕЖНОТРАКОВЪ

Большая
ДВОРЯнская
или

*Verflucht
Platz.*

Алексей Козлов
Городъ Нежнотраховъ,
Большая Дворянская,
Ferflucht Platz

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19394272

ISBN 9785448300394

Аннотация

Гротескный роман о становлении и поисках собственного я в чудесном городе Нежнотрахове, при ближайшем рассмотрении оказывающемся ужасно похожим на Воронеж. Сюрреалистические описания и потешные диалоги составляют основу романа.

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	8
Глава 2	30
Глава 3	33
Глава 4	62
Глава 5	71
Глава 6	87
Глава 7	92
Глава 8	100
Конец ознакомительного фрагмента.	108

**Городъ Нежнотраховъ,
Большая Дворянская,
Ferflucht Platz
Алексей Козлов**

© Алексей Козлов, 2016

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Буря

Милые девчонки —
Короткие юбчонки,
Маленькие ножки,
В голове – ни крошки!

Увертюра.

Время, когда народ начинает громко петь песни, носить оружие и при этом знает, куда идти – счастливое время для народа.

Джон Неизвестны.

Вот ребята, ваш ковчег:
Тридцать гнусных человек,
Сто животных разной масти,
Когти, зубы, шерсть и пасти.
Всё под крышку и в очаг!

Иван Крылов

«Делай всё так, как будто делаешь это для себя в последний день своей жизни».

Покемон Петербургский.

Воровать – это тоже труд!

Гонова

«Когда я думаю, сколько честных людей, которые были способны в истинном значении этого слова украсить этот мир, умерли, меня охватывает космическая скорбь. Но когда я думаю, кто же вместо них остался здесь, на земле, меня охватывает панический ужас. Рядом уже никогда не будет первых, и нужно жить рядом с последними. Они не поймут меня, я не хочу знать их. Наверно многие, проживая свою жизнь, испытывали точно такие же чувства»

Доктор Пургениус

– Остап Ибрагимыч! Что Вы будете делать с деньгами?

– Построю синагогу в Бердичеве! Всё лучшее должно принадлежать детям!

«Новый Золотой Телёнок»

Времена бывали,
Все затосковали,
На войну отправился народ.
Пешие бежали,
Конники скакали,
Враг от нас по сопкам не уйдёт!

Народная песня дискалов

Большинство людей примут любую доктрину, за которой

будет стоять настоящая сила, и будут склонять перед ней голову, пока не появится другая, более сильная. Люди не любят писклявых просителей, но предпочитают наглых хозяев и насильников.

Друшлакис

В школе мальчонка нашёл пистолет.
Маленький мальчик вошёл в кабинет.
Крошка, взрослея, нажал на курок...
Больше директор не слышал звонок...

Моё.

Глава 1

посвящённая общим и в сущности малозначительным рассуждениям псевдофилософического характера.

В попытке сохранить своё человек прибегает к воле богов или к интуиции, что в принципе одно и то же.

Итак, в результате долгого пути и невыносимых страданий неизвестно кем мы станем в этой жизни, но всем хорошо известно, что мы поклялись никогда и нигде не быть занудами!

Как причудливо тасуется колода, в нашем городе хорошим тоном считается прекращение угрызения семечек около вечного огня и в других присутственных местах. Это началось два десятка лет назад, во время великого переселения бедняков, когда многие из них не только переселились, но и утратили свои квартиры. Так вот, лишившись квартир, бедные, несчастные люди поселились у Вечного Огня, который тогда ещё горел. Это потом в целях санитарной санации города бомжей решили убрать за сороковой километр и потушили Вечный Огонь, дабы вокруг его не собирались разные антиобщественные элементы. Но тогда они собирались там, и объединённым ужасом и гневом, призывали небеса к отмщению и люстрации. Таким образом, около Вечного Огня Человек поневоле экономит на семечках, в то

время, как государство зря транжирит важный полусферический газ. Такого рода недоработки и транжирство ресурсов часто можно лицезреть в Нежнотрахове, однако уже испокон веков жители настолько притерпелись к потусторонней экономической деятельности, что уже ничего прискорбного в ней не видят. Ночные фонари в Нежнотрахове горят ночью и днём, зимой все подъезды и чердаки распахнуты всем ветрам. Таким образом, у нежнотраховцев есть много недостатков, но это уж точно не жадность и скопидомство.

Я ведь здесь жил всегда, всю свою жизнь я топтал родную землю, на которой почти ничего не менялось, а потом всё стало трансформироваться, как в ускоренном кино.

У меня память, как ломбардный склад, и ничто и никогда не пропадёт из этого склада! Ни одно зерно не упадёт под ноги! Я многое помню такого, чего никто не вспомнит даже под пытками! Что говорить, быть может, они более счастливые люди, чем я, но знания никто ещё не отменял!

Итак-с! Приступим-с! Божественные перлы истории всегда поправляют моё настроение. Куда, куда устремить взор на моей ненаглядной родине, кроме как в самую гущу исторических свершений?

Начало следующего тысячелетия, отмеченное тараном американских небоскрёбов и несколькими хорошими голливудскими фильмишками, названия которых мне не хочется

вспоминать, было смутным и невнятным временем для меня! Я ничего не понимал, а только провожал долгим тревожным взглядом чудовищные фантомы, проносившиеся мимо со скоростью курьерского поезда. Если бы я знал, что пройдёт немного времени и то, что я считал чудовищными фантомами, вдруг окажется детским лепетом по сравнению с ужасами нового времени, я был бы тогда в лучшем настроении. Но при этом я вам скажу – то было всё-таки счастливое время, ибо шестидесятников наконец-то поволокли на кладбище. Разрушители родины сами разрушились благодаря всеведению Божественного Провидения.

В шестидесятые годы, когда я учился в институте, на задней парте сидели две студентки, имен я их уже не помню, которые устраивали бесконечные бойцовые бои. Лекционный зал был огромен, и до заднего ряда редкая балда смогла бы добежать, даже если бы и захотела. Лысина преподавателя, строго обращённая к аудитории, давала массу простора к проявлению инициативы. При этом в промежутках между нешуточными боями, наши студентки умудрялись ещё и лекции записывать. Зачем им нужно было ещё и лекции записывать, если можно было заниматься щипанием друг друга, я не знаю! В общем, это были прекрасные советские студентки, и единственное, что иногда останавливало их от дальнейшего развития бойцового искусства – это та неприятная особенность, о которой мы сообщим читателю.

Ещё на заре своей деятельности молодой преподаватель

Кроткин, лектор от бога, как говорила о нём престарелая профессорша Ланская, был так напуган какой-то выходкой студентов, что иногда, подозревая готовящееся покушение на свою персону, в профилактических целях, резко поворачивал лысую голову к аудитории. Тогда несколько мгновений было достаточно, чтобы студентки прекратили дикую борьбу и мгновенно имели вид прилежных учениц. А все остальные выпучили глаза и сделались примерными слушателями. Кроткин не понимал причин частых смешков за его спиной, делая вид, что глух. Профессор Попочкин – специалист по мышинной эндемии, предупреждал его о происходящем за спиной, но Кроткин всегда пропускал инвективу мимо ушей.

В те годы шестидесятники уже отсидели на партах и только начинали свои правозащитные и иногда псевдолитературные опыты. Они обращались друг к другу со словом «старик» и грезили южными морями и большими рыбами, выловленными в южных морях на обычный спиннинг. Потом они стали попивать, протом пить, следом за этим – квасить, и уж к началу двухтысячных они безбожно бухали, прожигая последние дни жизни.

Я был знаком с одним таким персонажем, и в компаниях уворачивался от его горячечного энтузиазма. Его звали Саша. Он бредил искусством, пописывал картины маслом, слушал Севу Новгородцева, к которому питал острую культурологическую симпатию. Зайдя в душную тесную комна-

ту, где всегда было накурено и пахло дрожжами, я увидел его в который раз за компьютером. Они только входили в моду. Он бросился ко мне, источая волны алкогольных испарений и завопил:

– Старик! Возрадуйся нашей удаче! Мир прекрасен! У нас есть «Фотошоп»! Это настоящее чудо 20 века! Больше не надо рисовать руками, он всё сделает сам! Понимаешь старик! Новые времена на дворе! Рай!

И показал мне на этикетку, по мановению волшебной палочки вдруг растянувшуюся в какую-то серебряную кишку. Работа в дизайнерской конторе, где производили наклейки для спиртных напитков требовала постоянных возлияний. Сначала я видел его выпившим, видел пьяным, потом он стал пить каждый день, а потом исчез без следа, на пару дней опередив исчезновение конторы. Тогда я не заметил, честно говоря, его исчезновение, потому что как раз в эти дни кабинет напротив снимала контора, обещавшая ужасные проценты на вклады и люди толпами несли свои кровные денежки с такими криками, что нам было не по себе.

Через много лет приятель фотограф рассказал мне про Сашу. В конце своей миротворческой миссии он находил в газете объявление: «Сдам породистую собачку в хорошие руки бесплатно!», одевшись в последний приличный наряд, являлся на зов и забирал с собой маленького четырёхлапного друга. Для этого, для демонстрации серьёзности намерений и доброты у него была большая корзина с крышкой. Это был

очень приятный молодой человек. Дворняжек он не любил. Дворняжки были не так вкусны, как породистые собаки.

Ха, вы уж подумали, что я так далеко отвлёкся от темы, что всё забыл? Ничего подобного. Как я могу забыть о том, что я люблю, о том, что будоражит моё воображение и горячит кровь – о шестидесятниках, которых поволокли на погост!?

Как бы это сказать, волны оттепели коснулись меня только по касательной, слухи об отечественных рокерах, группах с экзотическими названиями, конечно, доносились до меня, но в то время я испытывал скорее не восторг или желание влиться в ряды небожителей, а смутный страх.

Всё это подогревалось пионерскими речёвками, к которым я оказался очень предрасположен, ибо у меня был звонкий голос и приятный лик.

Платить за такие выступления пред школьниками в актовом зале никто не собирался, поэтому на моё место школьной сивиллы никто не претендовал. А мне нравилось это, нравилось слышать свой звонкий голос над головами одноклассников, и когда он раздавался из школьного динамика по какому-нибудь хренячьему случаю, мои соседи, бывшие обо мне невысокого мнения, только разевали рты – ничего себе парниша.

Жить своими бедствиями намного противнее, чем наблю-

дать поверженных врагов, даже обласканных властью. И вот теперь их хоронили. Похороны прошли целой серией по центральным каналам, и про себя я стал именовать эти каналы «Похоронной Бригадой СТ». Восплакались девы видные! А я молчал, как рыбка золотая, ни слова никто не услышал их уст моих, ни звука! Незачем было мне их жалеть! Мне и моей страны уже не жалко, пропади всё пропадом, не то, чтобы поплакивать абы кого! Не в коня корм, ребята! В аду вам будет хорошо! Вы потрудились на славу наших врагов, теперь отдохните на славу! Я так думаю. Врать не буду!

«Когда римляне покорили Северный Уэльс, кельтское племя силуров, под предводительством вождя Карадока или Каратака, оказало им мужественное и неожиданно упорное сопротивление. В чём было истинное величие этого недобитка Карадока Североэльского? Загадка! В чём состояла причина его политических успехов на фоне невзгод его сотоварищей? Парадокс!

В честь этих первых обитателей Уэльса Мурчисон Делфский назвал развитую здесь систему слоёв силурийской, причём один из самых толстых и богатых слоёв этой системы получил название Карадокского, в честь мужественного вождя кельтов. Кембрийские пласты, как мы видели, содержат очень незначительное количество ископаемых остатков; мизерное количество, тьфу сколько, наоборот, в силурийской

системе мы встречаем необычайно богатую фауну беспозвоночных: по роскоши и разнообразию своего населения силурийский период не уступает ни одному из последующих периодов! Из простейших, или Protozoa, раковины корненожек известны в силурийских отложениях в очень небольшом числе, только нижнесилурийский глаунитовый песок окрестностей Петербурга содержит местами в огромном количестве их ядра. По исследованиям Эренберга такими ядрами являются большей частью зерна глауконита. Да-с! Кроме того, отдельные экземпляры корненожек найдены в силурийских отложениях Англии; в девонской системе этот класс простейших встречается тоже очень редко. Каждая находка такого рода сопровождается вздохом восхищения из уст научной общественности! Наряду со скудными остатками корненожек мы встречаемся в силурийский период с радиоляриями. Последние составляют другой, более высокоорганизованный класс простейших; как бы перешедший на новую стадию развития, эти в высшей степени крошечные животные свободно плавают по поверхности моря, и скорлупки их покрывают часто сплошь дно глубоких морей. По своему строению корненожки стоят ещё на очень низкой ступени развития: у них нет ни отдельных членов, ни органов, всё тело их представляет маленький комочек слизи, в котором каждая часть выполняет все функции. Да-с! Тело корненожки может выпускать нитевидные отростки, так называемые ложноножки или псевдоподии, которые то выдвигают

гаются, то втягиваются обратно, создавая трудноуследимый ритмический рисунок. Питание этих маленьких животных происходит при помощи ложноножек, пища обволакивается мало-помалу телом корненожки и усваивается им. Радиолярии же обладают более сложным строением: в середине их тела выделяется центральная капсула, представляющая собой пузырёк, окружённый тонкой оболочкой. Твёрдые основания радиолярий представляют собой чрезвычайно нежные и красивые скелеты, составленные из отдельных игл, соединённых вместе, или же имеют вид шаров, колоколов и других сложных фигур нежного решетчатого строения, украшенного по большей части острыми иглами. Панцири радиолярий состоят из чистого органического кремнезёма. Да-с! Это элита органического мира, в чём-то подобная той элите, какую мы видим в обществе. Но первыми князьями на моей незабываемой родине были потрясающие князья Мал, Сал и Кал. О них остались неоднократные упоминания в «Треухом» Своде, так много попортившем при своём появлении крови историкам и правоведам. Их-то и упоминает мифический летописец Гронденбулс».

«Вот мы и дожили! Все ожидают революции и обзывают её стыдливо другими именами! Власть имущая кодла делает вид своего присутствия на политическом Олимпе, и смешна как клоун в цирке шапито! Вот мы и дожили! Вопрос:

в чём же величие этих неумняемых недобитков? Ответ. Клёпор Иванович! Величие этих отпетых недобитков состоит в полном самообуздании и смирении! О Великое провидение! Останови ты их! Пресеки! Молю тебя! Не премини обрушить на них свою длань!

Как по разному живут люди! В Африке есть страны, где на центральной площади стоит разве что изваяние вождя этих людоедов, и сделано при ближайшем рассмотрении оно из кизяка, а напротив изваяния стоит трёхэтажный небоскрёб из телевизорных коробок. К верхушке небоскрёба припилена реклама «Кока-Колы» и все жители, да, сударь, все жители, какие есть в стране, впрягшись в большие арбы с гигантскими кривыми колёсками, целый день влечат эту арбу, едут в разных направлениях и развозят «Кока-Колу» в местные бандустаны! А там уже все с утра накурились конопли и им только «Кока-Колу» пить! И прошу заметить, они все счастливы, ибо доллар, который достался им неимоверным трудом под палящим солнцем – это и есть настоящее счастье!

Среди нескольких потешных типов, изредка посещающих с теми или иными оказиями мой дом, есть несколько моральных недобитков, способных в самомнении наглости или в недалёковидности глупости прямо у меня дома воспевать Христа или совершать что-то подобное. Они либо не уважают меня, либо глупы до безобразия! Вроде бы люди живут в Европе, а в головах у них арба с огромными колёса-

ми и небоскрёб из телевизорных коробок с рекламой «Кока-Колы» на покосившемся от ураганов фронтоне! Иногда я довольно долго терплю такое безобразие, а потом выгоняю таких сомнительных типов пинками взащей!

Так в чём же состоит несомненная сила этих подонков, в чём причина их безусловной притягательности для посторонних? Почему женщины останавливают на них свой взыскующий взор? Ответы на эти вопросы не так просты, они не лежат на поверхности, наша задача попытаться найти их!

Нет, правда! Богоискателей на мою бедную страну налегло столько, что уже и сыра в мышеловке не видно!

Это потом стало понятно, что они искали не бога, а поначалу все заблуждались. Через два года после их триумфального возвращения все городские парки оказались во владении церкви и во всех них росли богатырские соборы с бычьими шеями и титаническими крестами над золотом крыш. Кругом кипит и теплится больной и сырый народ! И что ж, от жалости к ним себя не жалеть?

Хорошо на свете жить! Опять котёночка бампером задавило! Всё это хорошо, но если эти гады не впечатают в мой паспорт упоминание о моей нации чернилами, через малое время История впишет туда это же чьей-то кровью! Я не шучу! Фертимандоль и Кинипок! Все знают! Выискались! Кто не с нами, тому шило в бок! Я очень мстителен в минуты горя и сомнений! Никто не знает то, как я грущу! Ираку требуется какое-то время, чтобы восстановить хаос! Что ж!

Пока не обрящетесь, туды вас в качель, пока не будете, как дети, покуда кривду не пепельнёте, никуда вас не пропустят с такими мерзкими рожами! Пошли, малоземельные, двинулись! Йе-ех!»

О сколько божественных открытий в смежных областях готовит нам дух знания, кипящий вокруг нас много веков. Сколько поразительных фактов происходит в мире, когда мы бодрствуем и даже спим! Сколько изумительного рождает природа, научая нас своим законам! Такова преамбула нашей лекции, посвящённой непредсказуемости судьбы и предрешенности выбора! Ценно либо то, что талантливо, либо сделанное из драгоценных материалов, либо очень редкое. Последнее у меня есть!

По-моему, пристрастие к своим «пустым» приметам ближе нам, чем всеобщее пристрастие к ближневосточным библиям разного сорта, ибо «свои» тёмные стороны – это продукт сорока тысяч лет развития, а библии, в которых говорится о богоизбранности «чужих» – ещё дальше от нас. Логично, живя в Палестине и будучи иудеем, воспевать Иордан, но нелогично, живя на Витьбе, воспевать Иордан и быть этим. Это игры властимущих, которым выгодна любая теория, проповедующая повиновение и самоуничижение. Я думаю, что удел глупцов, бродящих в дебрях даже ладно скроенной теологии, когда под завесой этого ядовитого тумана можно очищать кошельки, очень печален. Но люди бояться смотреть правде в глаза, бояться даже подумать, что им про-

сто выгоднее уверовать в рискованность существования, сохранив деньги в кармане, чем без всякой нужды отдать их чужому человеку.. Я с Вами абсолютно согласен в главном! Но пристрастия толп-вещь страшно энергичная, выдумывать разные формы обмана можно бесконечно, формы обмана разнообразны и легки в применении, что и делается. Христианство, коммунизм, демократия – это три сосенки, в которых мы, русские бродили до умопомрачения, пока не погибли почти все! Надо обо всём судить только по результату для нас. Ничего хорошего от этих штук мы не получили. А создадим ли то, что нам выгодно, бог знает!

Мы не можем, затрагивая столь животрепещущую тему, не затронуть христианского величия, не вспомнить его так сказать светлого образа – Исмуса Хориста, как утверждают прописи Помазанника Божьего, Сына Света, Волхования Истины. Что такое Исмус? Много ли времени даёт нам наша лекция? Успеем ли мы к утру следующего века обсудить все стороны этой проблемы, по карману ли нам выдержать такое? Есть скептики, утверждающие в порыве гордыни и праздного богоборчества, что де Исмуса никогда нигде не было, что де это просто выдумка, насланная разрушающимся Римом на его народ! Они ищут сходства в датах языческими празднествами, и утверждают, кхе, что 22 декабря – это смерть Солнца, в коей оно находится три дня, чтобы потом воскреснуть, что случается, как мы знаем, каждый год. Что им сказать? Что ответить! Не в коня корм, гос-

пода, не в коня корм! И да будет вам известно, умники необразованные умники и шелкопёры, бумагомараки и твердоумы, осла мёдом не кормят! И мы, натуральные граждане, не присягали бесконечно прослушивать всякие неотфильтованные бредни и измышления, каждый раз словно из рога изобилия изрыгаемые на наши бедные уши этими атеистами-безбожниками! Мы не обязаны даже реагировать на всякого рода прискорбные взгляды, господствующие в присутственных местах, ибо не по Сеньке шапка! Исмус есть свет истинный, красота природы довлеющей, истина первой инстанции, эманация совершенной культуры, авторитет авторитетов нашей жизни! Всё пройдёт, а Микки Исмус останется! Пусть даже солнце провалиться в татары, улетит в преисподнюю, нас будет греть свет его лучистых глаз и тепло его великого сердца! Да-с! Хорошо сказано!

Неважно, кто помогает нам в благом деле – боги или дьявол. Главное, чтобы благое свершилось!

Время разрушает всё, даже египетские пирамиды. Ещё быстрее оно разрушает веру поколений. Часто по молодости мы сочувствуем всему страдающему и слабому, не понимая, что не всегда страдающее и слабое имеет право на нашу поддержку. И тогда силы человеческие уходят на пустое, а слабое ещё сильнее возрастает, принося другое страдание. И настаёт момент, когда кругом нет сильных, а есть одни слабаки в мокрых штанишках и со слезами на глазах!

Правда, или, гм, назовём её не так громко, например...

Истиной – самый большой государственный секрет, потому что знай её все сейчас – все были бы с деньгами, а большинство – гм... Я бы, будучи на самом деле совсем не злым человеком даже согласился слиться в порыве братской любви даже с некоторыми, гм, народиками, но только в том случае, если они согласны поступать так же. Если они готовы на равных слиться со мной и делить не только мой хлеб, но и мою беду! Увы, на деле они так никогда не поступали. Мне такая простота не подходит к сожалению. А насчёт работы...

Вот вложил я состояние в экономику, скажем в банки, купил акции и сижу на печи – работаю ли я? Многие скажут – бездельник, плут, тунеядец, но самом деле – трудяга, потому что всё это «пиршество» тщеславия», названное государством содержат такие же дураки, как я. Дураки, покупающие бумажки. Их вера в обещания государства – это высшая форма идеализма. Они же и больше всего потом страдают. Но на самом деле можно найти темы для разговоров полегче, ведь ничего от них не изменится, даже если я через двадцать лет окажусь прав! Те, кто помогает государству в дни бед, часто висят потом холодными на колючей проволоке, и им ничего не нужно!

Грустно как всё кончается. Даже они в их счастливых фильмах знают, как грустно всё кончается в этом мире. Оказалось, что в нём нет места ни чести, ни справедливости. И уже нет места и носителям чести – честным людям!

А начиналось всё как!.. «Глория! Викт-оория! Слава! По-

беда! Товарищи! На родине нас ждёт скорая встреча!» И все мы шли по озарённой солнцем долине с винтовками на плечах и неистовой верой в сердце! Плевать, что мало нас, и много чужих! Плевать!

Что теперь нас ждёт на родине? Одиночество в толпе безгласых? Печаль и расставания? Одиночество в толпе?

На лесной лужайке
Появился дом
Жить здесь будут зайки
Не своим трудом.

Не хаю я ничего, просто всему этому в базарный день цену знаю! Никогда здесь не было и не будет даже намёка на «демократию». Здесь есть феодализм и капля уродского капитализма, цистерна показухи в разных видах, в общем-то это всё, что есть! Немало! Это всё потёмкинские деревни! Вообще я уже не патриот! Не верю, что тут будет хорошо! Сказки это, очередное успокоение, всё кончится как всегда – очередной катастрофой при иных конфигурациях. Но я уже, честно говоря, махнул на всё это рукой. Я слушаю только марши! Их сильный дух поднимает меня от этой безнадёжной земли. Сожалею, что много моих прямых родственников сражались с на последней войне и все погибли абы за что! Я бы стрелял в другую сторону, больше бы толку для нас было! Ошибались бедные русские люди, выбора у них не было, ума не хватило понять, что на самом деле происходит, и кто на самом

деле хуже! Тёмные мы, не уважаем свои интересы! Не жале-
ем родную кровь!

Да, христианство ещё лет сто проскрипит, потом снова
к язычеству другие поколения отправятся, так сказать – но-
вое Возрождение. Рискну сказать для многих непопулярную
мысль – истошная попытка немцев – главной нации в Евро-
пе повернуть к язычеству – неудавшийся сигнал, но только
первая попытка, будут и другие попытки. Это по-прежнему
стоит в повестке столетия! Это не просто были двенадцать
лет, как всякие кретины говорят «Сумасшествия». Эконо-
мика у них в то время росла как на дрожжах, по тридцать
пять процентов в год, и они были веселы, как весенние пти-
цы. И пели как птицы – во всё горло! А у нас сейчас наобо-
рот – все ползают, как дохлые мыши... да ладно... Всё будет,
чему должно быть под солнцем! Вот доживём ли до лучших
времен?

Кстати, как то подумал я о Штирлице, и странные мыс-
лишки пришли мне в голову: вот жил зашитый человек, ду-
мал, что делая бяку врагу, делает добро как бы родине, при
этом жрал сытно немецкое, ходил чисто, зарплату ему плати-
ли, на комсомольские собрания с дебилами косноязычными
не ходил, машину ему злой Гитлер дал, прислугу. Наверняка,
когда приблизилась развязка, думал милый герой Штирлиц,
а даст ли ему как бы победительная родина такие же вкусные
сосиски, такое же чудное пиво, такую же вежливую служан-
ку или ограничится как всегда вегетарианской пулей в лоб?

Несимпатичный Штирлиц, если покопаться по-человечески глубже. Я думаю, он кончил в Сибири, на лесоповале, глодая осиновую кору! Справедливый и логичный конец! Это я так, размышляю на досуге о странностях выбора и судьбы...

Как близка была победа, как святы были наши чаянья!» – так говорил Алесь Хидляр, великий пророк нашего времени. Так он говорил. Он жил во дворе, в котором жил не то Троцкий, не то Троицкий. Впрочем, это всё равно, не в коня корм, как говорится!

– Ты видел, там был кельтский крест? – спросил однажды во время просмотра неизвестной телепередачи никогда не унывающего художника Фому Птолемея Алесь, – Хочешь, я верну кадры древнего времени, покажу тебе всё, как было!

– Не надо!

– Почему не надо?

– Потому что ну его в..пу! Ничего не изменить всё равно! Надоело всё!

– Как в..пу? Слушай, ты, – жертва «Макдональдса»! Кого в..пу? Кельтский крест – в..пу? Что ты говоришь! Надо никогда не сдаваться, верить в лучшее! С тех пор, как ты перестал собирать пивные кружки, твой характер стал явно портиться! Неужели уже вокруг тебя нет ничего, что цепляет твою душу и наполняет её интересом?

– Всё в..пу! Пивные кружки – в..пу! И в первую очередь – крест! Я повторять не буду, если ты не уразумел! Тоже мне, рационализатор! «Золотая мышь Фиглелэнда»! Кружки! Крест! Конечно – в..пу! Наижопейшую..пу! Всё туда! Всё! Чохом! Вали кулём! Надоело!

– Может, всё-таки на фиг? Это не так амбивалентно! Не так априорно!

– Можно и на фиг! Но лучше в..пу! Точнее! – и тут его, как сильно увлекающегося порнографической этнографией, – понесло, – Фига, могу заметить, древнее и уважаемое людьми дерево! Фигу можно засунуть в..пу, а само фиговое дерево, как ты знаешь, нет! Это прихоть Провидения, некий парадокс, так сказать, но между тем... между тем... Мало того, что фиговое дерево круглый год даёт сладкие плоды, но к тому же листья этого дерева всегда использовались художниками и скульпторами для сокрытия самых интимных мест на скульптурах! Почему! Бог знает! Фиги бывают по происхождению африканские, малайские, исрульские, греческие, хотя, надо признать, у греков они называются ещё смоковницами. Исрультяне по древней традиции называют их «ефигонами». Хотя фиги всё же много выше смоковниц, это незыблемо по моему дилетантскому мнению, которое я уж точно никому навязывать не буду! Фиги французские по своей сути склизкие и вёрткие, немецкие фиги крупные и стойкие в бою, как никакие другие, наши фиги мелкие, но очень кислые, твёрдые и обычно с первозданной

грязнотой! Но очень терпеливые к термической обработке! К тому же чрезвычайно морозостойкие, злые и весьма трудносрываемые с деревьев! Это сильное качество! Иной раз, сколько наше фиговое дерево не тряси, наши фиги всё равно держатся на нём, не опадая! И при этом мне кажется, что у китайцев фига необычайно маленькая, ещё более грязная, чем здесь, и отчего-то донельзя корявая и кривая! Да-с! Кривая, я бы сказал! Но и её нельзя сбрасывать со счетов, как показала история. Нельзя! Фиги эпохи Дзин были конечно помпезнее мао-дзедуновских, но все они вкупе при довольно различных отличиях, имеют нечто общее в своём гносисе! Но всё же доревнекитайская фига более привлекательна, чем большие, трудолюбивые, правдиво-изжопные, ко всему приспособленные, до одури изменчивые фиги моих земляков!

О, Фига моей Родины! Как хороша ты, как свежа под солнцем! Какими страданиями, какими трудами взлелеяна ты под холодным северным небом! Как много аллюзий и ассоциаций возникает при этих немудрёных словах! И каких ассоциаций и аллюзий! О-о! Сколько этих фиг, давась и икая, морщась и сблёвывая, чертыхаясь и проклиная, съел и так переварил, усвоил мой великий всеядный народ! О-о-о! Не подсчитать этих фиг, не измерить! Мы живём в поистине фиговой родине! Это родина фиг! Фигленд! Divine Figleland! Как любим мы тебя все, все, кому было дано право случайно уцелеть в горниле тяжких испытаний, в юдоли тягостных раздумий, в серале поисков своего уникаль-

ного «Я», испытаний, по воле небес выпавших нам на долю – всем, кто на своей шкуре прочувствовал священный удел быть твоим гражданином, твоим сыном и защитником! О Родина! Наши сердца бьются всегда рядом с тобой! Мы помним тебя, мы чтим твою строгую, учительскую доброту! Мы несём в сердце твои бесценные уроки! Эта доброта не была всепрощенческой, совсем нет, наоборот, это была почти злая доброта! Жестокая, свирепая доброта! Ты – наша первая, лучшая учительница! Ты учила нас деятельному добру, взаимопомощи, а потом научила и индивидуализму и одиночеству! Это были великие уроки, величайшие уроки жизни! И никогда, и ни в чём мы не можем тебе отказать! Мы не в состоянии даже кинуть тебя, как ты всегда кидала нас в минуты горести и испытаний! И вообще немецкие бомбёжки не оставили на лице этого города таких следов, какие оставила незабываемая созидательная деятельность последнего губернатора! Я, собственно говоря, об этом и хочу рассказать! Просто боюсь, что слеза умиления, уже готовая вырваться на свободу из моего левого глаза, может застить свет и помешать записям! Я постараюсь! Не подведу! Я всегда боялся в чём-то подвести кого-либо! За дело, друзья! За дело!

«За работу, друзья, за работу!

Мы идём по великой стране!

Мы посадим сады!

Золотые плоды

Соберём и подарим стране!»

Так мы всегда и делали – всё отдавали этой как бы стране! А она нам в ответ – фигу показывала!

Мне вспомнилась моё детство, вспомнилось, как летом уже невесть какого года в прекрасный летний день я сижу одиноко у балконной двери своего дома, весь залитый солнцем, маленький мальчик, стойкий оловянный солдатик правды, и упорно складываю крепость из деревянных кубиков. Тих мой дом, и никого в нём уже нет. Солнце льётся из большого окна. Все куда-то ушли на время. Настанет момент, когда спустя годы дом мой снова опустеет, теперь навсегда, и я, взрослый, знающий всему цену человек, ни на что уже не надеясь и никому не веря, вновь буду недвижно сидеть на полу у той же балконной двери, гнать от себя дорогие образы и от невыносимости плакать безысходно, и вспоминать былое моё несбыточное, незаслуженное давнишнее счастье.

Тих мой дом и наполнен покоем. И сейчас я спокоен сам, ибо мои краеугольные камни – свет мира, вечные мои родители и вера, названия которой никто никогда не придумает – теперь навсегда со мной. Навеки в моём сердце.

Глава 2

В которой присутствует дальнейшее Лирическое отступление Автора, всё цитирующего своего героя.

Из-за острова Буяна,
Из могучего бурьяна
Появились три бомжа,
Одна мышь и два ежа.

Заноза в моём недреманном сердце! Как я тебя люблю!

«На днях к нам приехал Чунчо Мар со своим знаменитым оркестром «Поникшей Креольской Берёзы». Он выступал здесь в пятницу, в зелёном театре. Он, по-правде говоря, на своей родине давно выпал в осадок, и в своём родном Берлистане никакой популярностью не пользуется уже лет сто, но сюда приехать можно! Почему бы не приехать к нашим аборигенам?

А в субботу мы устраиваем прогулку с элементами порно! Так умирающий кактус-самец гоняется за засыхающим перекати- полем, не зная утоления...»

«Завидны дела твои, Господи, но результат их часто плачевен! Тут есть какая-то странность, и я не могу её до конца

осмыслить. По крайней мере, пока! Ладно, рано или поздно разберёмся! Не Боги горшки жарят!

Мир всегда кого-то убивает и тот, кого убивали, никого уже не будет жалеть других! Если кролик пережил вивисекцию, это его собственная заслуга! Чего мы только не видели тут, в этой куче ..., которую мы по привычке называем родиной. Последней напастью, последовавшей после Великой мелкобуржуазной революции, было нашествие Харистинан. Всё это, видит бог, проковыляло перед моими глазами, и я был потрясён грянувшими изменениями. Отбрыкивался я от них, как мог! Тогда навалились невесть откуда взявшиеся иеговисты, брахманисты, буддисты, братья-предтеченцы, секты пустынников, руководимые провинившимися милиционерами, секта Муна волхвовала по радио целыми днями, по улицам стали бродить буддисты в простынях и с барабанами. Но главным было постепенное возвращение Хариста и его гоп-компании.

«Люди, призывающие меня впасть в детство Харизтианства, либо неполноценны, либо хотят, чтобы неполноценным был я. Не дождётесь, друзья! Уже то, что в моей изнасилованной морально стране появляются, пока что в небольшом количестве, здравомысленные люди с мировоззрением, подобным моему, является свидетельством наступления конца многовекового Харистианского кошмара» — так говорил пророк Алесь Хидляр, стоя на горах и видя подлунный мир. Оставалось только заговорить для простых людей.

«Новая жизнь! Нова вита! Как ты прекрасна! И как мало мы тебя порою ценим!

Далеко не все любят свою родину так, как любят маму.

Далеко не все любят свою маму в той же степени, как любят деньги.

Но жить без мамы и без денег на родине совершенно невыносимо. Можно впасть в отчаяние сразу. Это я знаю по своему опыту. Совершенно невыносимо жить на родине без денег и мамы! Лучше жить на необитаемом острове Борнео без мамы с деньгами, чем на родине без мамы и денег!

Но лучше всего жить при деньгах, с мамой и вдали от родины!

Таково моё введение!

Что у вас в оркестре за чмошные трубы?

Оркестр, акупунктуру!»

Глава 3

Первое лирическое введение читателя в НежнотраховЪ с хором и кастратами в вертепе.

Это был город. Вокруг кривоватой церкви лепились чёрные людские гнёзда, а на скале Балон высился древний трактир «Святой Мэтью», похожий на чудной англиканский собор. По основным направлениям шли и шли люди в попытке найти своё место под светилом.

Был и настоящий храм Девы Поклюс, несколько раз разрушенный и ещё большее число раз возведённый с малыми дополнениями. Свой кардинал Дыромонк Престибецкий устроил от него децкий крестовый поход, по западным аналогам, поход, столь скоро окончившийся слезами и прахом. Но миллион гривен, испрошенных на тапочки для походных детишек, удалось ловко распахать по карманам верных огородников.

Храм Девы Поклюс был облюбован фортуной уже в годы ранней юности Нежнотрахова. Желтоватые, залоснённые миллионами касаний и поцелуйчиков мраморные колонны источали запах благородной старины, лестница в обширный придел, украшенный сухопутным жемчугом и бараными рогами, воспринималась путём на небо, и с первого взгляда

на это чудо нежнотраховского зодчества становилось понятно, что есть несомненное благо. Сколько благодарный касаний знали эти ветхие стены, сколько лобызаний осталось запечатлёнными на завозном мраморе, сколько мирных слюней протекло по запечатанным в стекло ангелам!

В годы нашествий многие захватчики замышляли разрушение нежнотраховской святыни, и стеной неодолимой на их пути всегда становился одинокий протоирей Ераспид Кобельков, со своими желчными челобитными грамотами. Всегда важный, нёс он прошения о помиловании божьего места и подписывался всегда одинаково, размашистой вензелястой подписью – «Ераспид Мокеич Кобельков – адно-птер».

В то время сильно изменённый поворотом Земли климат и океанические пальмы, заповившие округу, позволили выписать из Пенджаба целое стадо величественных верблюдиц, удачно оплодотворённых впоследствии мирным ослом Гришей. Алёшинские казармы, нынешнее вместилище защитников Нежнотрахова, были построены за какие-то полгода именно для содержания быстро увеличивавшегося верблюжьего стада, и там содержались до времени коровьей чумки, в 17 веке положившей конец верблюжьей инициативе. Здание украшено изумительной люкарной с глубоким рельефом по краям и идущим по фронтому ветвистым растительным орнаментом, из которого торчат высокие жирафьи головы. Хотя мотивы орнамента явно не здешние, но общее

композиционное оформление здания оказалось на удивление удачно, что дважды было отмечено заезжими шпионами и путешественником Адальбертом Гринбергом.

Бипол Мантуанский – беглый римский грек, а по совместительству переводчик и поэт, по ошибке занесённый сюда и осевший в Фиглеленде, впоследствии стал недурственным архитектором, и даже запроектировал основные оси Нежнотрахова. Он был настоящим мастером сельской архитектуры, и строил как дощатые водонапорные башни, так и соломенные больницы в ключе жизни. Особенно ему удавались беременные дорические портики, обильно украшенные шапкозакидательской беллетристической лепниной. Они смотрелись с особым шиком в обрамлении сосулк и свисавших на лоб пластов снега. Город в то далёкое время уже был, и был он хорош!

Вот уже вторую тысячу лет жители города Нежнотрахова неистово верили во второе пришествие Изоса Хориста, назначенного богом Дионис-прокурора Главным Прозерпулом. Столетиями они верно ждали его, всецело полагаясь на заверения бесчисленных святых столпников-самодержцев, время от времени наводнявших, как черви, благословенную землю Фиглелэнда.

Вот что мне пришло по этому поводу в голову: в мире нет никакого добра и зла. Есть поколения, в которых то или иное считается большинством добром или злом. Они могут ошибаться, ибо точка зрения любого сообщества ущербна.

Вот христиане – в Римское время это был предмет насмешек, не было ничего презреннее и маргинальнее. А посмотрите, что сделали двадцать веков обработки. Многие хвалят, поддерживают, но кто отменял римскую точку зрения на это. Или Гитлер. Это был бог немцев в тридцатые годы. Нынешнее мнение о нём никак не может отменить точку зрения поколения, которое поголовно легло за него. Так что же есть истина, не говоря уж о добре?

Если наивная уверенность нескольких сумасшедших, или, что более вероятно, кучки лжецов в оживление после смерти их кумира, толкнула миллионы людей в многовековое умопомрачение, значит ли это, что они были правы, и умершее может ожить после смерти? Нет, это значит, что эти миллионы были жалкими, безвольными людьми. Всего лишь!

Правящая Баптистерия Тода назначала всего лишь одного Поджидателя и двух Свидетелей Явления, которых после смерти замещали по конкурсу, а их остатки помещали в Паноптикум на постоянный обзор в трёхлитровые банки со сладким керосином.

Время шло. Изоса Хориста ждали пожимом. Звонкими литаврами его звали на праздник жизни, кипевший на холмах. Хорист упорно не являлся, медлил. Сублимировал. Саботировал Страшный Суд. Но даже и тогда город Нежно-траховЪ существовал вопреки всяким пресным прогнозам. Расцветал город мечты. Хорошел. Торговал немислимым товаром и серыми собачьими чебуреками. Выпускал газеты

и глинистое водяное пиво. Снимал в подполье дивные порнографические фильмы, чем основательно восполнял недостатки местной кинодокументалистики. Приноравливался к новым условиям существования. Пытался собрать новый урожай. Часто это у него не выходило, но шумели всегда страшно, и вывозили урожай из грязи танками и матерком. Что делал он ещё? Чем был славен? Обретался в благе. Впрочем, мы об этом говорили. Город обзавёлся наконец своей промышленностью – целыми днями на горе коптил орденоносный комбинат ТРАХНЕФТЕХИМ имени Дугана Лэнина. Да, ещё в городе было большое поселение преторианских цыган, появившихся неведь откуда в середине седьмого века новой эры.

Бу-угагаааа! Ликование полнит сердце автора, когда он обращает взыскующий взор к своей единственной, но уже ненаглядной родине.

О НежнотраховЪ! НежнотраховЪ! Бу-угагаааа! Город моей юности! Бу-угагаааа! Город моей мечты! Как я могу позабыть тебя! Город Первого Поцелуя! Да святится имя твое! Бу-угагаааа! Снова и снова возвращаюсь я к тебе на крыльях соловья, как верный твой сын, возвратившийся из странствий! К тебе лечу я в самых святых своих помышлениях, не задумываясь совершенно ни о чём! К тебе направлен мой взыскующий взор, моё сердце! Опять и опять я возвращаюсь к тебе в своих самых интимных помыслах и мечтах! Только ты способен согреть моё горестное, неве-

сёлое сердце, только ты! Ты – моя милая родина! Только ты даришь мне минуты катар-сиса, освобождая мой третий глаз от мирской слепоты и безверия! Ты только! И твои легенды и сказки – чудные сны славного народа – НежнотраховЪских жлобенья – милы мне. Бу-угагагаааа!

Что можно сказать о тебе, мой милый город? Многие твои верные аборигены не любят тебя, панюки, брезгают тобой, понукают, но пусть это безобразие навсегда останется на их нечистой совести! Никто не достоин быть любимым так, как ты! Не правда ли?

Итак! Вперёд! Не томите меня, земляки! Зёмы стоеросовые! Настал миг! Слово изрыгнуто будет! Плащаницу мне, плащаницу! И огня! Чтоб на всех хватило!

Говорили как-то хорошие люди, что ты, гордый НежнотраховЪ, до потери пульса похож на грязножопый Гэворонез! Я не знаю, сказал ли я эту фразу вкрадчиво? Сказал ли её амбивалентно? Была такая буква, не спорю! Это совершеннейшая ложь, и тот, кто так говорит, очень рискует нарваться на мою святую отповедь – он не просто похож на Гоморонез, он есть просто его зеркальное отражение! Не знаю, являются ли эти города городами-побратимами, но я бы их точно сделал такими! Они словно рождены для паналуального побратимства и уголовной панихерии! Так сказал я, ибо рёк.

О мой НежнотраховЪ! Твоё появление на скрижалях истории надёжно укрыто от придиричивого историографа тьмой

веков и мхами тысячелетий. Красиво сказал? Я и сам знаю!.. И между тем...

«Архилы Фиглелэнда» – знаменитый труд голландца Яреса Поупа, явленный миру знаменитым датским коллекционером Дэвидом Болтундецсом, являются основным и самым проверенным источником по древне-Гнилоурской историографии, и мы не применим им широко воспользоваться. Книга к нашему прискорбию написана очень витиеватым и трудным языком, поэтому мы обратимся к её пересказу, сделанному в 18 веке знаменитым столпником Аквиллой Баксолюбом Вторым, автором трёхтомного сочинения «Бог и Револьвер». Но в ней есть нечто, придающее рассказу особую ценность – рисованный вид Нежнотрахова 16 века. Сделанный почти профессиональной рукой с мелкими и явно различимыми деталями, рисунок уносит нас в приснопамятную, доисторическую даль. Разбросанные в беспорядке чёрные избушки, накренившийся пакгауз, пожарная вышка с круглым окном, Дворей Губернатора Эспалова, покрашенная почти вся жёлтой акварентиновой красочкой церковь Покемоницы Пражской, вылезшая наполовину из рисунка баба с ведром и мужик с мешком на переднем плане – вот её общее содержание.

Первым упоминаемым в ней героем здешней истории по праву можно считать разбойника по имени Колобок-Жопа-Костяная Нога. Несмотря на прихотливое имя, данное ему ещё при рождении, жил он в расхристанном бомжеватом

гнезде на дубе, стоявшем посреди Тридиаконовой пустоши и хранил награбленное у гнилоуров добро в подвешенных на ветвях вымытых дождями конских черепах. И в сущности был честен и прям, как кишка. Отправлялся на разбой, он и одевался как натуральный разбойник – в чёрную подвязанную кушаком доху, соломенную шляпку с дырой посредине, смешные пламзевые боты, а через вытекший гляз перевязывал ворсистую бумазейную бечеву. Добра в дупле к концу года было много – медведь в берлоге и заяц в утке. Учёт ценностей разбойничья душа вёл на пальцах и в уме, причём трёх уцелевших, но ввиду ночной жизни земляков многого к концу жизни не досчитался. Так продолжалось тридцать лет и три месяца. Потом его арестовали и несколько лет держали в темнице Кровавого Аристиды – городской тюрьме, славной своим ужасающим восточным произволом и изумительными пытошными камерами в бездонном подвале. Потом по случаю очередной коронационной амнистии он был отпущен на свободу, писал книги, полные тайного гороскопного всезнания, пошёл воевать за рабочее дело, потерял руку, загодя попал в турецкий плен, странствовал по всей Средней Азии с византийским тараканьим цирком «Геркулес», выпуская огненную струю из всех отверстий, обосновался в Гелионолопулосе, принял крещение, поселился на берегу Средиземного моря в селении Бусламжи, что неподалёку от Килмарнока. Прекрасная вдова приветила его на жизненных дорогах и согрела телом и словом.

Там он развёл изумительную красную капусту, поехал на ярмарку во Фрисбенд, и там был съеден пришлыми янычарами по случаю Второго Византийского голодомора. Это было в 5876 году по некоему летоисчислению, названия которого я не хочу приводить.

Тут автор вынужден отвлечься и заявить читателю, чтобы читатель не удивлялся скачкам во времени, какие мы неминуемо будем совершать. Отчасти это будет происходить от неуёмного желания автора сразу схватить быка за рога и одним махом показать то, что кипит в его голове, отчасти оттого, что город, описанный в нашем романе, тоже организован не ахти, а потому несколько сумбурный стиль изложения какнелзя лучше соответствует духу нашего ненаглядного города.

Приснопамятная древность сохранила легенду о гигантском злокозненном вампире, возжаждавшем и наконец потопившем древний город в коллоидном дерьме. Никто не верил, что такое возможно. Он прилетел в Фиглелэндау из монгольских степей на перепончатых костяных крыльях и упал на её жителей, как гром среди ясного неба. Его огненное дыхание обратило ветхий, как шушун, дровяной город в полыхающий костёр. Его когти прорыли в гранитной земле глубокие арыки и они снабжают ныне город водой. Огромный, волосатый вампир, из пасти которого доносилось нестерпимое, чудовищное зловоние, явившееся причиной смерти трёхсот шестидесяти пяти тысяч семьсот двадцати

семи человек, не считая крепостных крестьян, собак, ежей и многочисленных рабов, он решил не только спалить город, но и утопить его. Но как сделать такое, он не знал, и не зная того, полагался больше не на знание и опыт, а на судьбу и всезнающее Провидение. Наконец случай проявить себя представился! Великан встал на два холма обеими своими гигантскими ногами, подобно Родосскому Гиганту, с плоскими обращёнными внутрь ступнями, на конце каждой из которых было по семь когтистых пальцев, каждый не меньше семитонного трейлера, на каждом из которых сиднем сидело по семь маленьких гномиков-людоедов; каждый из которых норовил вычёсывать семь блох, встал, напоминая величиной и статью греческого Родосского Гиганта, как мы уже говорили, по меньшей мере, встал, выпростал из шёлковой накладной гульфищи своей зелёный бархатный, мочевогодохновенный член – член, схожий размерами и формой с Эйфелевой башней, и головкой, напоминающей Эйфеля, и струёю, подобной грозному цунами, захохотав, смыл напрочь весь вечный город: жалкие мещанские пригороды, прачечную с недоеными прачками, парадную центральную часть города вместе с голубой архивной магистратурой, давешние буйные окраины с множеством косо поставленных кизяковых многоквартирных инсул повышенной планировки и населённых по преимуществу говорливой беднотой, кривые паникейские слободки чуть ниже по горе, с петухами и облезлыми от злости и недоедания псами, тучный серовато-зелёного оттенка

собор Фавна и Глома вкупе со всей прожорливой, потешной монашнёй, привалившей тогда к обеду паствой, ризницей с иконами работы греческого мастера Коитуса, чуланами с церковными запасами кошерной писци — мыла, кагора, османской гречневой каши и первоклассного норвежского свечного сала, крестами и монахами — гузнами-вертопрахами, не ко времени съехавшимися на внеочередной 396-й церковный Мытарский собор; смыл за компанию пожарную каланчу с пожарниками и поджигателями в оранжевых японских распашонках, грозными клепсидами, закатившимися под мельницы и шкафы катяхами, одиноким плачущим капельмейстером и бранспойтами, смыл всё, и в завершении своего немыслимого демарша смыл также целый сонм никем неучтённых малюсеньких ветхих домиков, в которых ютились самые честные, самые рядовые граждане Фиглелэнда — гнилоуржанцы. Как говорится,

Мир противен и жесток —
На страну напал поток!
Смыл корову и быка
Смыл гнилого лесника,
Смыл телегу с мужиком,
И попа с ночным горшком,
Смыл собор, дорогу смыл,
Смыл погост с чредой могил,
Всё он смыл, но я узрел —
Кол с казнёным уцелел!

О как!

Английская народная поэзия! Цинизм народа – есть его вера и спасение! А вы знаете... Но вернёмся к нашему повествованию, ибо несть числа препон ему, но мало помощи отовсюду!

Они были простыми обывателями и не желали для себя такой беды. Они всегда желали всегда беды своим соседям, но себе беды никогда не желали. А тут случилось такое, что навсегда поколебало непоколебимые устои их жизни. Жёлтая ревущая струя не пощадила никого. Митрич, зацепившись штанами за трубу, долго висел, и уже надеялся на спасение, но раз уж полез в картман, за размокшим табаком, то сорвался с трубы и с воем канул в ревущей воде. А ведь он был личностью не простой – стрателъ земли гнилоурской, герой Фиглелэнда! Женщины, дети, старики, аксакалы – никого не минула чаша сия – все погибли в мутном горячем потоке. Захохотал великан хохотом громким, ахитаковым, солнцу лапы раскрыл, завыл аспидно и отвязно, веселилось его зловещее сердце, истомой истекало. А потом бегал среди потока и вылавливал конечностью уцелевших. И шмякал их о землю, и сжималось от него сердце настоящего патриота Афанасия Петровича Ривкина, стоявшего на инвалидной ноге у полосатой будки при входе в город. Шмяк! Шмяк! Шмяк! Неприятный то был звук, словно стеклом по пиле.

Таково было кровавое возмездие провидения городу

за былые грехи его жителей, плата за безбожные происки и революционные позывы народных масс. Все оставшиеся в живых были в шоке и молили грозного великана ради бога остановиться, уйти и помиловать великий степной город...

На что безжалостный великан ответил только свирепой икотой и могучим рыком, снёсшим вековые дубовые рощи на дальних меловых горах.

Походив по разгромленному городу и не найдя уцелевших, великан тягостно вздохнул и удалился из города.

В детстве мать великана чудовищная красавица Нисполет Нильская в корчёванной столешнице возила своего сына в Такейский Ерузолим, поэтому он, хоть и любил человечину, но был на самом деле удивительно набожным существом. У великана была любимая книга «Латунная Пиплия из Раковниц», неизменно сопровождавшая его во всех подвигах и проделках. Она весила без малого сорок тонн и была сделана в Пенджабе величайшим индийским мастером Гуром Шрахаривишной Ботуэлем Третьим из мюнхенской броневой стали, колокольной афганской бронзы и толстого жёлтого пергамента, происхождение которого навсегда осталось загадкой. Толщиной она была с приличный трейлер, но на поверку всё же меньше чем знаменитая Тароттиева Скала. Двести лет семнадцать лучших Венских каллиграфов, соблюдая удивительную преемственность стиля, без усталости наносили святые чернёные буквы и золотоносные рисунки, чья удивительная грация в дальнейшем поко-

рила даже графа Дракулу, искусствоведческая капризность которого была широко известна за пределами Богемии и даже докатилась до вечного Нежнотрахова. Как я уже говорил, переплёт книги представлял из себя глубокий барельеф из нержавеющей крупновской стали изящной работы. Ярусами, ниспадая снизу вверх, как в безграничном японском комиксе, изображались все события, описанные как в Ветхом и Среднем, так и в Новом Завете и доходившие до времён Покемона. Выполненные с невиданной живостью и красотой, они были столь совершенны, что человек мог часами, как зачарованный, не отрываясь смотреть на это чудо, не испытывая ни усталости, ни разочарования, явлений обычных при долгом чтении. Великан не часто брал в руки священную книгу, ибо времени на это занятие у него было чрезвычайно мало. Основную часть своей жизни он тратил на поиски пропитания и женщин, которые потом тоже становились пропитанием. Иногда, видя нечестие этого мира и всё возрастающие толпы неверующих, окружающих его, великан впадал в неистовую ярость, хватал свою волшебную «Пиплею» и начинал молотить ею по нечестивым гражданам.

– Угагагаааа! Бу-угагагаааа! – слышалось тогда повсюду, – Бу-угагагаааа!

За раз он мог убить Пиплией одного африканского слона, до сорока полностью вооружённых конных латников-кнехтов, семерых легковооружённых аркебузирова-недомерков, до восьмидесяти крысоподобных католических кюре, трёх

смачно-мясистых православных попов, двух зазевавшихся старух-сорок, до восьмидесяти пяти тысяч крыс, до двух миллионов восемьсот шестидесяти двух тысяч четыреста шестисот двадцати двух тараканов и до семисот тысяч пре-красно откормленных в казармах Шванмбургских мандавошек. Таким образом, он отправлял их своим мечом прямо в рай, куда они и стремились, по мнению отцов святой церкви! Этим делом, как ни парадоксально, он и занялся в очередной раз под Петров День. Сметая свежий дёрн, он вылез из самого нутра Чижовского Ската, в фетровой шляпе размером с приличный стадион, розовой душегрейке и тяжёлых жёлтых башмаках их бегемотьей кожи, измазался по пути глиной, разъярился, и пока карабкался на залитый свежей травой склон улицы Лиговой, содрал лапой два дома, как все считали, классической архитектуры. А потом пошёл долбать конечностями по всем городским святыням. Все были в шоке! Разбегавшиеся жители увидели воочию, как великан, высоко подъяв над головой великую книгу, бегал по Большой Дворянской в белых польских кальсонах с криком: «Господи! Помоги мне просветить этих заблудших гадов и скотов! Помоги мне, господи!» и молотил, молотил, молотил. Как ни странно в тот чудовищный день из десяти тысяч прибитых святой книги, обнаружилось, что почти все прибитые – мужчины. Самки понимали всё грамотно и заслышав первый удар переплётом по городской мостовой, тут же впрыгнули вместе со спиногрызами в подвал и канализационные про-

ломы.

Горох был истоптан, сечка поваплена, сладкая гнилоур-ская репа- предмет гордости горожан и основной объект экспорта в заморские страны – ушла в землю по самую свою ко-локольную выю. Не ползли больше по полям вкусные, пере-лётные рыбы-угры, похожие на змей. Не летели белые лебе-ди, сладкие как мёд. Ушли в небытие лесные кабаны-скри-жальщики, столь вкусные, что охота на них была повсемест-ной забавой. Последне хрю-хрю вам в след, праздные господ-ни дети! Ящур покосил коней и быков всего края. Восплака-лись девы чудные! Ор стоял кипешный! Что осталось родной земле, что превиделось? Дело трудное, праздношлатное!

Всё как назло произошло таким образом, что нигде не бы-ло больше еды в нашем плодородном крае, и настал вели-кий голод, и настал, невиданный в том благословенном краю. И настал.

Первым голод почувствовал святой человек, ветхий буты-лочный пустырник Викентий Ладожский, живший при лабо-ратории Пратинского Универсиума в огромной стеклянной колбе без этикетки. За все спокойные годы жизни в колбе, он постепенно от скитаний с клюкой и сумой по большим имперским дорогам, навсегда насытил свой желудок, успо-коился, перестал думать о превратностях судьбы, забыл о по-исках своего угла и мечты о верном куске хлеба счёл уже малозначительными мелочами. Всё у него было так хорошо, что и жена не потребовалась. Как сложилась бы его жизнь,

не будь этого голодомора, мы не знаем! Сложно по жизни стать пустырником, сколько всего нужно знать, но ещё сложнее надыбать такую колбу, какая была у него, старую, с накипью загадочных химических процессов. Это было национальное достояние Фиглелэнда — человек в огромной бутылке — и его всегда чрез горлышко кормили отменно: сечкой и вялеными овечьими кишками. Так как приспособлений, обеспечивавших жизнь святого, было очень много, и все они были очень сложны, его стеклянная келья была похожа одновременно на лабораторию алхимика и тренажёр космонавта. Даже во времена великих народных бедствий его кормили до одури, зная насколько пронзителен его тяжёлый сутенёрский взгляд и голос.

Однако на этот раз всё оказалось гораздо хуже, чем мог предположить бутылочный человек.

На сей раз кормить его перестали сразу. Не было ни завтрака с печёной маковой булочкой, ни обеда с сытной гречишной кашей, ни полдника с яблочным повидлом на галете. Никто, совсем никто не открыл вход и не пришёл к нему.

Первый день, когда никто к нему не пришёл, он не понял ничего. Он подумал, что то ли прислуга заболела, то ли ошибся кто, и всё ещё исправится к общему благу. На второй день к вечеру, опять не дождавшись никого, Пустырик заметался по колбе в лёгком и понятном нам смущении. Но и тогда в его душе жила уверенность в благополучном разрешении досадной случайности. На третий день одино-

чества его лицо вытянулось и побледнело, а глаза впервые за последние десятилетия приобрели осмысленное выражение. Он понял, что никто никогда не придёт, кормить его больше не будут, предоставив эту высокую прерогативу Богу! На Бога он, разумеется, надеялся, но сам, как оказалось, оплошал!

Перед бутылочным столпником стал выбор – умереть ради науки в колбе, или жить на свободе? Выбор был нелёгкий, ибо за годы великого сидения, бутылочник стал по-профессорски умён.

Спас его от голодной смерти, надо сказать, всё-таки сам вампир, и спас при помощи своей всепроникающей книги Пиплии – в злобе он разбил бутылку, разбросал отовсюду тонкие осколки и таким образом случайно выпустил из неё худалого святого человека.

Первые часы после освобождения бутылочный человек был тих и скорбен. А потом разошёлся, размялся, огляделся, взял из лабораторной кладовки старый туристический рюкзак, и ушёл по Старо-Владимирскому тракту искать свою любовь и место в жизни.

Так, как делали во все века его предки.

Звали святого бутылочника по традиции Иван Заяц, а не Фаул Дитрих, как было на этикетке, и пусть теперь он навсегда войдёт в историю под своей натуральной фамилией!

Точно так же, как прозелитическая святая блудница На-

таша Петербургская, обрётшая новое.

Все святые сошли со столпов, все монахи кинулись в леса и на поляны за грибами. Их имена здесь и никто не сможет отрицать точности приведённого здесь списка:

1. Сибурдон Армейский.
2. Вардипуль Барменский.
3. Мошгир Вошкинский.
4. Драгвор Гомнодавский.
5. Масдик Двитул.
6. Жопасолизус Елагинский.
7. Цебрюханоль Жабер.
8. Сынанос Замоскворецкой.
9. Гом Ипкин.
10. Вепродрагомилус Короед.
11. Педероглус Лативецс.
12. Вульвасос Мамин Сын.
13. Глазнажоп Натянул.
14. Марчи Трахай Ярче.

За эрой столпников и рачителей амбры последовали времена великих княжеских поборов и карательных походов на недоимщиков. Походы, организованные на деньги самих князей перемежались набегам нанятых князьями степняков, «зело нагонявших страху на толпы смердоусов».

Княжескому произволу не поддалось только племя фалосичей, доведённое княжеским произволом поистине до градуса сумасшествия сионских мудрецов. Племя регулярно

ходило в пустыню, выделило из себя парочку недурственных столпников-архитрахиев и дюжину пророков, испражнявшихся карминным мумиём и благородной диванной камедью. Племя довольно быстро переняло основные средиземноморские забавы и по субботам распинало на Корявом Дубе зараз до сотни воров и разбойников, не забывая оплакивать их потерянные души. Однако в один из дней из Византии прилетел бородатый ангел в белом смокинге и властно повелел повторно окрестить всю честную братию, взиравшую на него теперь сквозь щели в землянках и бойницы в башнях.

Кенязя Самуйло и Горгун, не требуя подтверждений, сразу бросились исполнять команду, и рубили до тех пор, пока кто-то не сказал им, что из-за груды тел более не видно нигде бородатого ангела с кадилом и фамой. Тогда они остановились и перевели дух. А ангел, орудовавший именем Покемоницы Пражской, на шёлковых крыльях больше не прилетал. Говорят, что некто неизвестный слышал последние слова въедливого ангела, и вот что он якобы сказал:

«Братия! Почему эти скоты не ходят в блаженную церковь? Неужели же им безразлично слово Божие, настоенное на высоких травах Нового Иеруссалима, неужели же простые и кристально чистые слова Христа застревают в их душах, не доходя в глубь? Как, отчего опустилась планка за последние годы? Скажите мне!»

Молчание было ему ответом.

Потом в городе начались неожиданные, лютые пожары, или точнее говоря – народные поджоги. Все знали, что здесь, в Нежнотрахове жили нервные, быстрые на расправу люди, не терпевшие ни в чём недостатка, поэтому, когда рi...dets наставал, они жгли всё подряд, не чувствуя ни усталости, ни раскаянья. Не могла вынести их поэтическая душа опыта – сына ошибок трудных и позора мелочных обид. Они поднимали сразу в тумане моря голубого свой белый парус и горделивой рукой вели корабль сквозь штормы эпохи. Хлопотливыми буревестниками они летали над бурливым океаном, оглашая влажную стихию резкими криками. Не давала им покоя и мечта о Времени Роз, омытая слезами справедливого фюрера.

Сначала загорелись заповедные леса с болотными зубрами и бобрами, которые поджечь довольно просто. Следом к неудовольствию праволавных пановей сгорела деревянная церковь Лавра и Фрола, в которой был единственный в Фиглелэнда удивительный пластилиновый иконостас с ликом святой Доры Изауры Сконапельской. Потом настал черёд и других объектов народного хозяйства. Сгорела основная городская баня вместе с безухими сильфидами на скромном деревянном фронте и уникальной коллекцией резных оловянных шаек, завещанных местному краеведческому музею. Сгорел ресторан «Триада» – центр провинциального дубового джаза, где играл на рояле знаменитый джазист Буми Шпильвзад. И, наконец, сгорело стометровое вращающееся

фалафельное изобретение – чучело богатура Сырдара – девятое чудо света, на которое восемь лет днём и ночью отводились спасённые от бюджета деньги. Его строили на въезде в город из привозного сионского фалафеля для разгона гигантских вороньих стай, тревоживших акваторию Нежно-трахова. Много сгорело в тот год в Нежнотрахове. Архи много. Так много, что сердце готово облиться кровью!

К сожалению, не догорела и почти вся уцелела едрёная Поломоньевская библиотека имени Сароса – сборище народного бреда и помутнения. Вся ересь в этом собрании была сохранена благодаря энергии заведующей библиотекой молоденькой Ирой Кряккиевской и зрелой выдатчицей Динной Друбичич. Все в копоты, грязи, зачуханные донельзя, шепча молитлы, они вытащили завёрнутые в полосатую матрачную ткань «Коцаную Нюрнбергскую Тору», чудом уцелевший в Маазельской битве заповедный труд Лапездана Поплина «Обрезание и Договорная Справедливость», книгу Фрая Спициона «Тфилин Аршинного Гура» и самое редчайшее сочинение неандертальского анарейства – чудом, да, каким-то чудом сохранённую в наполеоновский кавардаш сверкающую жемчужину илудаизма – «Чудные Луспекайские Пекари и великий братан Моксей» в двух десятикнижиях. Они были так горды спасением бесценных святынь, что тут же забыли их на паперти, вследствие чего всё новообретённое потрясающее собрание снова и на сей раз навсегда, было утеряно, перекочевало в нечистые карманы, пропа-

ло, пущенное на самокрутки и подмётные письма прихожан. Впрочем пострадали не только мощные культурные центры Нежнотрахова. Лучший в городе «Королевский Гандикап» с породистыми беговыми тараканами Мартой, Филом и Парамошкой, примыкавший углом к Поломоньевке, тоже начисто выгорел.

Народ улюлюкал неистово, бранспойты били напропалую, ветряки полыхали вовсю, бедняки, видя бедствие богатых и ущемление прав состоятельных, радовались неслыханно. Но и их не обошла чаша сия – обойдя пожар по ветру, многих закирдычников великан с криком «Фильтруй базар, суки!» подавил, дабы больше они не шумели.

Это был второй великан, явившийся без приглашения в древний город.

Хоть бич божий и был вампиром, ему не было чуждо ничто человеческое. Он маялся своими дерзкими подвигами и прогибался под весом своего Авторитета. Ему надоели мерзкие козявки, разбегавшиеся с противным писком из-под его ног, надоели их дикие нравы, надоел этот халтурный город, больше походящий на свалку, с его продавленными мостовыми и кривыми пожарными вышками, надоело всё. И он бродил по холмам, весь нахмурившись – живое воплощение Печали, бродил одиноко, не зная чем себя занять. И бил всё, что попадало под руку, и громил, и топтал, приговаривая: «Так надо, Мио Мадонна! Так надо! Es mortus non Coitus! Пришедшие восплачутся, а отошедшим привет!!»

Его слова воспринимали со вниманием. Так назарейским прозелитам в пустыне слышался скрижальный голос, как казалось, нёсший надежду.

Потом великан умирился, ушёл великими шагами в каменную угольную Марракотову степь, чтобы там, посреди топких мшаников Терпигорья, среди безлесых и пустынных холмов Жлобовонья в среду раскинуть великие клешни свои, упасть на зумь каинову огненным шаром и, всему вопреки, прокатившись вересковой пустошью, замереть у отрогов Катькиных пригорков, чтобы тут же заснуть бодрящим тысячелетним сном идиота. Ни кровавые походы Атиллы, ни ласковые песни Ренессанса, да простят меня читатели за это слово, ни жёлтый, хитромудрый плескун Чингиз-хан с его полумиллионной армией не взволновали его, не пробудили его изрядно дремлющего самосознания.

Говорят, что во сне великан видит чудесные сны. Может быть, и так! Не оттого ли он улыбается? Не оттого со скрипом мечутся глазные яблоки его под замшелыми, седыми веками? Не оттого ли сучит он слоновыми ногами в дубовых крагах? Какие сны видит он длинными зимними ночами, когда снег плавным ковром укрывает воинственное Жлобовонье? Может быть, это райские кущи с поющими механическими соловьями, заброшенными нам из Китая, а может быть, и второе пришествие кометы Стивена Марча. Что же нужно сделать, чтобы он проснулся?

Можем ли мы, люди нового века, сотворить это чудо? Для

этого нужны века и века! Для этого нужен честный, непре-
кращающийся труд народа, нужна вера в победу великого
дела великана, нужно самоотречение лучших!

По легенде, его пробудит Василиса Преломудрая, когда
через тысячи лет забвения и мха поцелует гиганта в разные
его места.

Так сказано в Паникейских прописях, не верить в кото-
рые может только очень безнравственный и пустой чело-
век. Так говорил Человек, так возгласили всезнающие про-
роки. Нет никаких оснований полагать, что сказанное Чело-
векам – неправда и ждать нам более нечего! Gridet chas? Chas
otmschenia I pechali! Он проснется! Верьте, люди! Так было!
Так есть! Так будет! Баста! Мы дождёмся великой минуты
оживления уснувшего!

Зная пророчество блаженной Авдотьи Питерской, с её
волхвованьем и гаданием по груди, его искали. Армия, нис-
посланная вслед для установления причин и истин, долго пет-
ляла между его золотых кудрей, приняв их за заросли даньба-
нджаньчаньского бамбука, запуталась в них, как взвод в ко-
лючей проволоке, и ведомая новым Иваном Сусаниным, по-
том так же ошибочно приняла его ягодицы за две большие
вулканические горы, в которых во все века скрываются бла-
городные разбойники, нередкие в нашем краю (и именно та-
кой формы). Они называли горы Триманейка и Втул. Армия
приняло его ягодицы за горы, а анус – за карстовую пещеру
Ворунтала, нанесённую вопреки истинному положению дел

на всех географических картах, как святое место; ворвалась внутрь геройским маневром и мгновенно вся до последнего человека погибла от ядовитых газов, истёкших из желудка чудовищного разлагавшегося великана.

Вот какое наказание заготовило в очередной раз для Нежнотрахова всевидящее Провидение.

Как его всё-таки звали? Матиф? Урсиласт? Бамби? Кажется, его звали Колудон?.. Нет, кажется, не Колудон! Или Бирпиклон?.. Нет, не Бирлипот! Или Махнот?.. Бигмул? Нет, не Бимбул! Да, память отказывает мне! Это ведь было так давно, что стёрлись благородные детали мировой истории, а свидетели событий, как оказалось в натуре, так долго не живут. Как же его звали? Не помню точно! Простите меня!

Однако должность царского хлыстомера, дававшая ему до сорока тысяч гнутых кастрюльных гривен в год, не вызвала у него никаких иллюзий и тем более благодарности чувств, ибо воображение рисовало совсем другие горизонты. Может быть должность хлыстомера оказалась чересчур хлопотной, отвлекая внимание на контроль за испражнениями царских кобыл.

Когда Автор думает о великих событиях тех лет, его сердце наполняется сладкой истомой и тоской – прошли веки Терпигорева, полные геройства, и что настало взамен? Кто знает! Кто знает! Нет-нет, всё-таки его звали Бирлибаном... А потом прозвали... Как же его прозвали? Точно – Айси-

патлом! Да, его прозвали Айсипатлом Морским Змеем, и это его окончательное бесповоротное имя. Даю руку на отсечение, что это так, и да подтвердит святая великомученица Тереза НежнотраховЪская божественную истинность моих слов!

Да, о чём это я? Я вспоминаю давние события, неумолимо изменившие облик моего края, я вижу то, что невидимо многим. Я проникаю сквозь камень утерянного и железо неизвестного, как рентген в тайны жизни!

Итак, господа, давайте повлечёмся назад в будущее...

Вира Некин, чудный летописец Ждобовонья, поможет нам в наших экзерсисах.

Когда голод спустя семьсот лет прекратился, население края составляло четыреста шестьдесят восемь человек, из которых двести были монахами, не желавшими ни размножаться, ни работать, а остальные прекрасными столетними монахинями, неистово блюдшими культ Жертвенной Девственности. Они-то и подняли падший город и возродили его животворную силу. Они-то и вселили курчавый оптимизм в местных кроманьонцев. Скоро в город из окрестных тюрем пригнали толпу ссыльных остроглазых женщин-живопырок, давших через год, в отличие от миссии секты девственниц- полностью провальной, прекраснейший приплод. Улицы города огласились счастливыми детскими голосами, и новое поколение гнилоуржан возросло, подобно дрожжевому тесту, ожидая цветущей своей юности, вечной любви

и дальнейшего неминуемого водворения в тюрьму.

Жизнь меж тем продолжалась и продолжалась, принимая всё новые, всё более причудливые и благовонные формы.

Началась эпоха религиозных аскетов. Они нахлынули откуда-то с юга огромной стаей, и были горласты, грязны, придиричивы к мелочам, всегда чем-то недовольны, и часто плакали, припоминая свою райскую жизнь в Риме. Но самое главное их достоинство состояло в том, что они были многочисленны и прожорливы, как саранча.

В давние, тоже довольно-таки приснопамятные времена великий герой древности Геракул Ассизский жил в тростниковом шалаше на одном из холмов Нежнотрахова – Шепуклиновом холме. Он спал на мягких вересковых коврах, столь широко раскинувшихся на южных склонах Северной Жлобовской долины. По ночам великан возжигал гигантские костры, играл на дубовой лютне, пил клюкву из динозаврева рога, ревел на полную луну, стращая её, и, приговорённый собственной величиной к крайнему одиночеству, сочинял удивительные для человека его круга и воспитания добрые, злостные, совершенно несмешные эпигармы.

«А если камень бросить в город
И запалить его огнём,
То в нем не будет столько морд,
Как было днём».

«Верую, верую в бога,

И в домовый комитет,
Ждёт нас большая дорога
Бурь, испытаний, побед! —

писал он, глодая карандаш и закатив глаза.

Да, днём, чтобы не казаться праздным, он налегал на огромный каменный плуг, вздыбливая, невесть зачем, луговую землю и ворочая чёрные лабрадоритовые камни, а ночью бродил по окрестностям с бутылкой, топча всё сделанное людьми сыромятными учуковыми калошами. С гнилоуржанами, которых он не ставил в грош, он почти не общался, предпочитая умные оловянные книги, завезённые специально для него из Греции завидным философом Звероном. Одна из книг, в которой впоследствии рачительные жители насверлили уютных пещер, и теперь украшает одну из улиц описываемого нами города. Книга носила название «Тикал из Анула» и описывала жизнь выдающихся людоедов и великанов. Был здесь и клювастый Моркот, и синекожий Дабринт, умевший прыгать по деревьям, и непредсказуемый Олдинг, гроза овчарен. Сейчас немногие люди знают, что это уютное здание, населённое адвокатами, на самом деле является книгой. Просто её содержание выели ушлые приспособленцы. Потом великан исчез так же неожиданно, как появился, и его долго вспоминали местные барды в легендах и диких народных песнях. Это было второе появление реального великана на нашей святой земле.

Глава 4

В коей озвучиваются первые сентенции героя, изъятые Автором из его личного дневника.

«Верховные церковные иерархи утверждают, что человек создан по образу и подобию Господа. Но если это действительно так, то у Господа должен быть аппендицит! А зачем Господу аппендицит? Его предки, что, силос ели? Не верю я церковникам и их ужасным бредням, понимаю, зачем им нести в массы бред детских снов и наркотические видения – так лучше контролировать плебеев. При этом желательно ещё убедить их, что они люди! Они веками обманывают народы, оттого их Гристос такой неживой, картонный! Почему же я вижу это, а многие не зрят?

Жизнь человека должна преодолеть страшный Харистинский соблазн и слом и вернуться к более дикому, первоначальному состоянию. Мы должны вспомнить, что основой существования во все времена была борьба, и никто не убирал её из Природы, не может убрать, как не может убрать Солнце или силу тяготения, только заретушировали на время, исказив картину ложью.

Надо меньше читать зачитанные до дыр книги, надо доверчивее относиться к Матушке Природе.

Вот, правда, многовековое господство Христианской церкви в мире, что это такое? Их святой в одном месте говорит, что явился с пальмовой веткой, в другой – что пришёл с мечом и хочет воевать! Одним он говорит одно, другим другое! Что это такое? Всё-таки большинству нужна не демократия, а плётка! Им нужны простые, затверженные истины, лучше в форме дацзебао! Тогда у них всё хорошо, они успокаиваются и погружаются в целительный сон! Они не способны оценивать события в их многогранной сложности, выбирая из происходящего то, что лелеет их несбыточные мечты, а не неприкрытую истину. Государство потакает этому, поощряя религии, «толерантность», «релевантность», разные виды цензуры, самоцензуры, редактуры и т. п. И человек, по закону свободный, сковывается этими невидимыми нитями, как Гуливер пигмеями. Ненавижу я всё это, ненавижу!

Если сравнивать государство с муравейником, то видишь, насколько мудрее, жёстче и справедливее любого государства, бывшего на территории моей страны устроен простой муравейник. Там под пологом Господней длани (Законов Природы) царят гармония и порядок. Каждый знает свою миссию и не задумывается о том, великую ли роль он сыграет в судьбе муравейника. В муравейнике любой чужой муравей, любая чужая блоха мгновенно изгоняется, загрызается, и никому в голову не придёт считать это несправедливым, жестоким, а тем более читать по этому поводу ка-

кие-либо сентенции. Милосердие муравьям не свойственно, но им свойственна справедливость. Таковы Законы Природы и в их неуклонности лежит уверенность Природы, что Путь Рода должен быть неуклонным, прямым. Я уверен, если мы проведём эксперимент и, к примеру, окурим муравьёв неким наркотическим составом, благодаря которому они на время станут добрее, перестанут истреблять чужаков и пользоваться плодами чужого, несвойственного им интеллекта, то дни муравейника будут сочтены. Ему не будет дано просуществовать и нескольких дней! Война и неразбериха покроет муравейник. Они начнут мешать друг другу, отбирать у друг друга еду, задумаются, правильно ли то, что матка ест такую хорошую пищу, когда они живут впроголодь? И перебьют друг друга. За изгибы и отход от здравого смысла всегда есть плата. Но Муравейником руководит сама Природа. Там невозможна взятка, ибо Бог или Природа исключают то, что пойдёт во вред муравьиному сообществу. Там ни одному муравью не придёт в голову тратить силы на спасение инородца, скорее всего, он его тут же прихлопнет. Там не вообразима идеология типа Харистианской, где будет воспеваться мёртвый муравей. Ни один муравей не захочет даже слушать таких агитаторов! Там нет куч жрецов, проституток, преступников – куч бездельников, придающих своему безделью социальный вид. Нет, и не может быть. В человеческом же муравейнике, которым управляют сильные, но случайные люди, распад и разложение дошли до того, что утвер-

ждается, что нужно любить других муравьёв, брать их манеры себе на заметку, везде звучат слова «толерантность», «релевантность», «терпимость», «демократия». А свои рабочие муравьи – основа жизнедеятельности муравейника вымирают, озадаченные, для чего и для кого теперь нужен их тяжкий труд? Стоит только лишить жизнь метафизического, высшего, философского смысла, как смерть и разложение довершают дело. Вы можете представить себе ситуацию, когда муравьями в качестве вожака муравейника руководит, к примеру, муравьед или крокодил? Не можете? Правильно! А бабочка с крылышками может командовать муравейником? А мышь? Это невозможно, не правда ли? Почему же славянскими с 1924 года по 1953 год руководил грузинский крокодил? Нет ответа! Такого не может быть в здоровом муравейнике, но возможно в поверженном человеческом сообществе, в сообществе, приведённом в состояние сумасшествия и порчи. И мой народ, которого давным-давно заставили впустить в свой муравейник чужое, враждебное, поступил, как ни был силен, в рамках той ситуации – спился, развратился, загнил, прекратил размножаться и под насмешки и неприязнь всего мира догнивает теперь на задворках мировой истории. Его не уважают, не боятся, и в любой момент, когда он окончательно ослабеет физически и морально, готовы явиться за его исконным имуществом. Вот плата, которую мы заплатили за произвольные игры с Христианством и прочими абстрактными «теориями». А многие

из нас не понимают и даже не хотят задумываться над этим!

К сожалению, с того момента, как Человек выделился из Природы, над обществом, которое он создаёт вне Природы, не господствуют Законы Природы – Законы Борьбы. Здесь происходит постоянное попрание здравого смысла и постоянное возмездие Природы за это. Появляются целые группы людей, целые народы и организации, которые чаще специально, но иногда по инстинктивным позывам внедряются в больные швы общества, разлагая его в самых слабых, самых незащищённых местах. Гной и гниль – самая аппетитная пища для них! Цимес медкомпот! Самосознание остальных уже настолько угнетено или неразвито, что они, даже видя смертельную угрозу и своему существованию, никоим образом не препятствуют общему разложению. Они видят, что это хлопотно и почти невозможно – препятствовать скверне. Ибо она текуча, как ртуть. Иногда случайным образом появляется в каком-либо обществе сильная личность, знающая глубину падения и видящая путь спасения из пропасти. Иногда Провидение столь ожидает такого человека, что среди травли не даёт ему погибнуть, даёт возможность воплотить многое из задуманного. Чаще испорченный общественный механизм убивает такого Спасителя, и общество продолжает двигаться по долгому извилистому пути к своему бесславному концу. И видя это, как не предаться печали и боли?

Природу нельзя обмануть, её весы слишком точны и механизмы оценки слишком правильны, чтобы кому-то было

позволено поправить Её законы.

В какой-то форме возмездие наступает также и для тех сил, которые будируют гниение и разброд, но не менее сильно Природа карает и обманутых, не желающих сознаться в собственном обмане.

Попытка заменить Законы Природы неким религиозным суррогатом понятна. Если не действует естественный механизм самоорганизации, нужен искусственный. Самомнение человека при этом столь велико, что берутся Харистианские штуковины, замысленные для совсем других народов и говорится, что они могут быть поводырями человеческого общества везде. Они де универсальны! Всё это было бы неплохо, если бы Харистианские умозрения и постулаты хоть в какой-то мере соответствовали Природе. Но этого ведь нет! Есть выдумки понятия «греха», «вины» и т. п. Словесные фантомы вдруг начинают играть огромную роль в обществе, толкать людей на настоящие безумства и подлости. Ввиду того, что они привнесены, они никак не сбалансированы в смысле соответствия с духом народа. Навязанные, пришедшие в неурочное время с чуждой земли эти постулаты не могут оказать никакого иного действия, кроме порчи человеческого материала и смерти людей. И это видно по результату! В жизни погибает только тот, кто признал поражение! Тот, кто отказывается признать поражение – живёт вечно! Как только шило вылезает из мешка и оказывается, что эта мёртвая идеология не приживается к живому народному те-

лу, начинаются разного рода репрессии против народа. Начинают подгонять ослабленный народ под доктрину, а несогласных убивать.

В ключевых пунктах мировой истории, когда стоял вопрос выбора будущего (Рим или Ганнибал, Европа или США), всегда побеждал тот, кто звал за собой посредственность, и сам был ею. Законы Харистианского мира заточены под толпы посредственностей и глупцов. Неужели же этот тысячелетний, бредовый сон человечества никогда не кончится? Где взять тридцать процентов неиспорченных, разумных людей, способных сказать «нет» лжи, где?

Харистианство – хроническое, заразное умозрительное заболевание, опухоль, с которой народы живут столь долго, что уже считают его естественной частью общественного организма, иногда высказывая мысль, что без этого заболевания общественный организм уже и жить не может. Истинно говорю вам! Может! Придёт время – и Хариста мы будем вспоминать как страшный, наркотический сон человечества. Видения этого сна были причудливы и фантастичны. Результаты этого сна страшны для мировой цивилизации! Харистианская голова последнюю тысячу лет боролась с языческим телом, ненавидела его, проклинала, лишала развития, делала бессильным, женственным. Придёт время, когда святое, героическое поколение, невесть откуда взявшееся в крошечном царстве лжи, найдёт в себе силы сбросить эти паучьи путы и пойти к свету, солнцу, нормальности и счастью! Я хочу

жить вместе с таким поколением, я хочу быть его частицей!
Я хочу разгонять мрак!

Разбуженный страхом смерти европейских народов, на время поправленный, народный социализм приходит на смену Христианству.

А теперь небольшая пародия.

«Признаками рационалиста являются: свастика, фанатическая любовь к родине и своему народу, скверное неприятие чужих, неуместная любовь к своей семье, излишне здоровый образ жизни, гипертрофированный спорт, в особенности велосипед, туризм, чтение не рекомендованных Марьей книг, опрятная чистая рубашка, ношение одежды белого цвета, цифра 8 на майке или другом месте, нормальная эрекция.

Признаками нормального гражданина являются: нездоровый образ жизни, табакокурение, пьянство, наркомания, алкоголизм, джаз, ложь, наплевательское отношение к своей родине и ко всему на свете, джаз, вера в Христианские заповеди, регулярное посещение церкви, секты, здоровая лояльность к сионизму, интернационализму и любым иным формам самоотречения, неспортивный вид, депрессия, джаз, джазз, джазззз».

Оценивая результаты того или иного религиозного явления, мы можем рассматривать их только с точки зрения судьбы большинства основных народов, а не кучки проходимцев. Если посмотреть с этой точки зрения на судьбу славянских

народов, то все сложности вдруг становятся простыми и понятными. На территории этой страны вот уже почти тысячу лет из рук славянских людей вырвана эстафетная палочка господства над своей территорией и на холке этого народы жирует постоянно меняющаяся по составу, но неизменная по целям клика пожирателей живого. Для того, чтобы этот народ никогда ничего не понял до своей неминуемой смерти, его постоянно одурманивают вином, христианством, гоняют по войнам и революциям. Тысячу лет идёт обратная селекция истребления сильных, гордых и водворения лживых слабаков, которым позволено иметь потомство. Те поколения, которые здесь живут, имеют весьма малое отношение к тем, которые Должны Были Здесь Жить, если бы всё было Правильно. Бог, если ты есть, приди к нам на помощь! Спаси нас!

Глава 5

Продолжение кратких исторических сведений о Нежнотраховѣ.

Попрошу тишины! Вернёмся к Яресу Попу.

В тринадцатом веке, будучи засечной крепостью на южных, так сказать, «основных» рубежах Фиглелэнда, город Нежнотраховѣ оказался в самом эпидавре исторических событий и был стёрт в порошок захватчиками целых семь раз. При каждом стирании, само собой разумеется, почти полностью или поголовно сменялся городской ландшафт, менялось коренное население, и новоприбывшие, увлечённые уцелеванием и благоустройством, поскорее старались забыть о катастрофе, постигшей их предшественников.

Помимо всего прочего постоянно утрачивался рецепт целебного гнилоурского подорожничкового узвара, и его приходилось крепко припоминать.

Никто не обращал внимания на прискорбную повторяемость гнилоурских катаклизмов. Все жили в ауре сегодняшнего дня, и никто не заглядывал в день грядущий. Как показали натурные наблюдения такого рода, забывчивость всегда являлась защитительной чертой местных жителей и часто спасала их от грустных мыслей и агрессивных намерений.

Интересной темой для исследователя является характер мыслительной деятельности той эпохи. Чем были полны головы людей в эпохи великих переселений и катаклизмов, о чём думали они, чем развлекали свои головы, уводя их от тоски и слабости духа?

Трудно сказать!

Первый раз город в порошок стёрли дикие монгольские орды, покусившиеся на нашу драгоценную виртуальную свободу. В один момент на цветистые степи выплеснулась дико орущая толпа кривоногих людей в халатах с кривыми саблями скверного качества, на низкорослых голодных лошадях с длинными гривами. Орда шла стремительно, сжигая всё на своём пути. Не сумев сразу ворваться в город, монголы осадили его и стали закидывать горшками с нефтью. Окружённый, но не сдавшийся город питался в это время ёксельной столетней солониной и янтрами серых мамонтов, найденных весьма кстати в вечной мерзлоте. Питьём жителям служили огромные запасы браги и пива из княжеских погребов. Жидкости в то время хранились и в воздушных щучьих пузырях, обработанных по специальной, несохранившейся технологии. Поначалу всё шло хорошо! Но когда и эти запасы подошли к концу, старый, закалённый двадцатилетним битием баклуш ярый столпник Гришаня Ехремеев вдруг засуетился, замахал руками, загундосил, понёс какую-то чудную ахинею, окоlesiцу, свесился головой вниз со смоляного столба и проорал в самое ухо народу:

«Атас! Атас! Йе! Вижу таз! Вижу! Всё орло! Всё ушло! Кирдык вердык! Кирдык мурдый! Оро нуса кол! Всё! Теперь – полная жопа! Вериз май факин коудл? О ю! Мамочка! Мама! Тейк ю э фингер! Телеграммас! Йе! Граждане гнилоуры! И-и-и-и-у! Истинно говорю йа вам! Сэйв ауа сокс! Йе! Год ис труст! Нейза аза майнд! Зэц олрайт! Йе! Гона факин бастардс! Йё! Спасайся, кто как может! В Сметане – рожи! О драхмапудер-драхмапудер! Вы куда? Я – вниз! Всё! Вира! Майна! Кто же меня спасёт? О – о-о-ооооо! Вира! Майна! Афтсралия! Афсралия! Йе! Йе!».

И закрутился на земле винтом, изрыгая пену. Все были потрясены, ибо никогда никто не видел Гришу в движении, а тем более не видели его говорящим на языках народов вселенной. Обычно он задумчиво, скрестив ноги на голове, посиживал на столпе, как бы неживой, и оживлялся только во время принятия пищи и нередких городских празднеств, где девушки прыгали через коровье седло и огонь. Значит, дело было действительно очень плохо. И благословлённый на то блаженным Григорием, подожжённый с семи концов жителями, город тут же пал, как сгнивший лесной орех.

Человеческая саранча не щадила ничего на своём пути. Когда толпа пришельцев лавиной огня и дамасской стали прошла по отечественной грязи, оказалось, что половина граждан Древней Фиглелэнда в мгновение ока лишилась жизни, остальные – кошельков и верных гаремных жён. А на горизонте до небес ещё долго клубилась мелкая дорож-

ная пыль и смрадный дым, напоминая об исперченном инциденте.

После стирания на холме посреди ещё тлеющих углей долго стоял потерянный чёрный конь с огромным косым членом и чьей-то болтающейся оторванной ногой в стремени. Он бил ногой и, не зная, что ему делать без хозяина, ржал на всю ивановскую, казалось, выкликая таким образом дух почившего незнакомца. Это был один из бескрайней чреды миллионов, которых здесь обзывают «неизвечными солдатами». Такой знак произвёл неизгладимое впечатление на уцелевших горожан, выглядывавших в это время из густых кустов картофельной бузины и стройных корабельных лопухов. Конь был буйный, наглый и в администрировании не плошал. Его —то и назначили первым городским градоначальником. Он устроил в городе сенат, богадельню и любил крупных гривастых блондинок.

Карточные масонские ложи процвели при нём великолепно, множились многократно, а винокуренное дело совсем скукожилось.

Жил он на Клюквенной улице, специально для него замощённой шахматным порядком коровьими лепёхами и для общей крепости – подковами с дырами для гвоздей. Он произвёл организацию, но в его сердце жил вольный дух степи. Однажды пришёл день, когда он вырвался из своего кабинета, заржал с нечеловеческой силой и умчался с громким гиканьем в сырую Голоманьевскую степь, как говорили, «но-

чѣвничать и ждать скрижали». Почему так засуuetились люди, ведь и без шкрижалей вроде бы жили неплохо?

Второй раз город стёрли в пыль верные княжеские войска Ассамагура Квёлого, пришедшие по слёзной просьбе обывателей освободить временно оккупированный анклав. Князь Георг Шестнадцатый сам вёл непобедимую армию через леса Прикоблущья и болота Марколурии, тщетно надеясь на скорый успех. Его упорство было вознаграждено в тот самый день, когда из-за холмов показались снежные купола мятежного города. Город хотелось не только окружить, но и уничтожить, так он был красив. Княжеская экзекуция была не в пример монгольской гораздо более свирепой и непреклонной, и после неё не осталось даже исторических древесных углей. Опять на горе стоял конь, опять болталась нога, и опять член был кос. Семь жителей, уцелевший при кампании, известных пофамильно: Иван Иванов, Пётр Петров, Сидор Сидоров, Никифор Никифоров, Том Градусников, Опа Гомеров, Раш Долбин – долго в Забуёве не удержались, похоронили остальных, и ушли в пустыню есть приличествующие акриды да суматошно разговаривать с неведомым, но донельзя милым Богом. Просить его о чём-нибудь таком... Умиловать!

Третий раз его милостиво стёрли с лица войска мстительного диктатора-республиканца Наполеона Буонапарта Первого, набравшие бессовестных, наглых, ничего не знающих поводырей среди бесштаннх Вихлебских негоциантов и по-

тому заблудившиеся до смерти в бескрайних степях Понизовья. До сего времени считалось, сто Наполеону не удалось продвинуться до Нежнотрахова, но так ли это? Возможно ли, чтобы концентрируя силы на Смоленской дороге, он послал часть армии в дебри Фиглеленда, и избирал при этом такие тайные тропы, что никто из жителей не видел его. Возможно! Население Фиглеленда в то время было столь малочисленным и столь разобщённым, что пройти незамеченным каких-то четыреста километров по лесной и кустистой территории представляется вполне вероятным фактом. Местные жители очень запомнили Императора сидящим на Сомовской Большой дороге у Каракозовского дуба, на раскладном стульчаке, с какой-то неважнецкой бумажкой в руке. Хотя, может быть, эта бумажка и была очень важной для Наполеона и его войска, но для нас она неважная, плёвая бумажка, тьфу на неё! И даже не надо бы о ней здесь упоминать, тьфу на неё, на эту бумажку, тьфу! Как раз из палатки выперли ходоков из крестьян, которые просили разрешить им грабить и жечь праздные помещичьи усадьбы. Император даже не понял, что, отказавшись принять этих бедных, плохопавших людей и поговорить с ними, он проиграл войну!

Запрет гнилоурского поспешно отступавшего императора на торговлю с войсками захватчиков не соблюдало только хищное вихлебское высельное сообщество, таскавшее плюшки в обмен на жаркие золотые монеты. Вихлебские торгаши при этом столь часто и столь бессовестно обманы-

вали захватчиков, что те в конце концов стали негоциантов сугубо побивать, то есть расстреливать без суда и следствия. Особо злые на хищную вихлебскую шпану, безжалостную судьбу и горечь Провидения, кавалергарды предали огню отдельные вредоносные местечки, но дело до конца не довели, отчасти по слабости сил, отчасти полагаясь на голод и славный мороз.

Тогда же здесь в качестве журналиста побывал знаменитый французский маньяк герцог Бен Мурано, чьи вампирические пристрастия так волновали прессу маленького города Птисуара, где он родился жаркой июльской ночью 1773 года. Его поверенным отцом был неподкупный Робеспьер, а матерью – сладострастная графиня Куку-Дуду. Или просто Дуду. Эта великая женщина смогла выработать такие формы наслаждений, что Помпеи с их культом времяпровождения и разврата, пребывали в ранге микроскопического детсадовства.

Однако скоро сами французы столкнулись с голодом и морозом в такой степени, что о продолжении зимней кампании уже не могла быть и речи, а речь шла об уцелевании. Их волновали теперь не завоевания территорий и богатств, а возможность унести ноги. К декабрю был достигнут момент истины. После чего их стройные дивизии быстренько растворились в заснеженных степях и балках моей непобедимой родины.

Свойские партизаны графа Мирова увеличивали беспорядок и смятение, как в рядах сломленных захватчиков, так

в среде сирого полкового крестьянства.

Обстановка была сложна и непредсказуема. Кто с кем воевал, было неясно в наступивших мировых сумерках.

Зима пришла разом настоящая, без предупреждений, и было так холодно, что даже выдержанные в меду итальянские балалайки и курительные трубки из дворянских коллекций пошли на дрова и лучину. Партизан Дварыдов собирал шумные бригады косарей, валяльщиков и скрынотеев, пил набрудершафт с трактирными амазонками мадам Зизи, а потом всей толпой они стремительно нападали на обозы, свои и чужие. И грабили, граббили, граббббили.

Война уносила своих лучших сынов – ремесленников и лесорубов, сарданапольщиков и короедов.

Население страдало тоже неистово. Больше всего от недорода пострадал смирный Голожоповской уезд, до того славный урожаями серых древесных бобов и желанного шелковичным червям мочального дерева – страдал просто потому, что был расположен много ближе других уездов к сожжённой столице, к дороге, и в результате – объедался армией и мародёрами в рясах в ходе битв гораздо сильнее прочих уездов. Кое-какое благополучие наблюдалось только в Маруфином подворье. Там было изобилие гнилой картофельной лузги и прикопаны до времени несколько бочонков терпкого крапивного мёда.

Но и это прошло, как проходит всё.

Четвёртый раз стирания Нежнотрахова в порошок был

связан с освободительными войсками князя Боратумбрийского, обходившего город с востока вопреки здравому смыслу и советам гадалок. Когда под ногами попадалась змея, знак судьбы считался столь прозрачным, что делали крюк вёрст под семьдесят. Обходили и кротовьи норы, боясь встретиться в них с буйными полевыми разбойниками. Армии то наступали, то отступали, не смея завязать битву. В конце концов, после бесплодных метаний и переговоров невесть кого невесть с кем, город был закидан китайскими петардами и «горель», – как сообщали тогда газеты, – аки зело, паки жарько, вельми мажорносто и оченно рати веселом. И толикос тройе уцелелита – велий Пижа, Моцик и слабый Жув».

Они-то и стали потом панакадильными жрецами, обвесились волынками и судили в суде по древним казуистическим законам, вычитанным в ветхом мордухайском свитке» Своде Куев Анабер». И было их три наказания: 1.ёхан амнисть, 2.ван виселитц и 3.пулья в ёкт.

Пятый раз город был засветло сожжён в ходе Седьмого соляного бунта самим восставшим местным народом, прекратившим недоимки не пожелавшим сдаваться законным властям ни под каким соусом. Им, предпочитавшим сгореть заживо в своих бамбуковых кильдимах и хижинах, чем сдать-ся, пришлось убедиться, что власти свойственен скорее поиск порядка, чем искус гумоньизма. Что и было сделано. Все сгорели живыми, не сдавший, не сдвинувшись с первоначально намеченного места ни на миллиметр, сгорели, подтвердив

верность однажды данному слову.

В шестой раз его стёрли в порошок пришлые тевтоны, не знавшие, сколь сильно им помогут дикие в этом грядущие освободители.

Кто к нам приходит с мечом, тот, как известно, отбывает от нас в гробу! Эту истину никогда неследует забывать, когда мы имеем в виду НежнотраховЪ!

На беду в то время стояла поздняя осень. Шумели серые осины. Чёрные паровые, изнемогшие от деторождения поля стонали под тяжкими нездешними облаками. Грибы лезли из-под земли, как крайняя плоть гномов. Караваны неизвестных птиц тянулись к югу, оглашая окрестности долгими криками. Ничего этого тевтоны не видели. Они шли вперёд с боем и песней, попирая всё на своём пути, шли вперёд, пока не остановились ввиду собственной малочисленности и истощения веры. В грязи полей в болотной жиже тевтоны быстро зацвели и опустились, потеряли свой молодцеватый вид. В зазеркалье, а Аду, среди острых скал и огня пробирались они к желанной победе! Никто не смог сказать им худого слова о том, как они воевали, они воевали, как никто и никогда в истории.

Как хорошо выйти из Ада и упасть на зелёную травку в саду, где цветут алые розы, вестницы красоты и счастья! И не вышли! Им оставалось в конце концов заплакать и затянуть хором «Из-за острова на сержень». Что они и сделали 7 ноября. Это было началом их конца.

После такого чуда им срочно нужно было отсюда уходить.

Освободители были не лучше захватчиков, скорее наоборот, но этот факт знали только самые смелые и ушлые к знаниям гнилоурцы и гнилоурки. Они знали, но плотно держали язык за зубами там, где положено – во рту, за рядом плотно сжатых зубов.

Освободительные войска, как всегда, голодные, грязные и злые (за что их очень хвалили в газетах), обстановку просекли сразу и в мгновение ока вспороли все перьевые перины. А потом также угнали наличных дев в северные деревни для лучшего размножения и амура. А затем, полагая граждан подпольными коллаборационистами и сводниками, перебили всех оставшихся в городе сограждан мужескагу полу (что отчасти было верно и имело подтверждение в доносах филёров-францисканцев), а по городу прошлись натуральным фальшпарадом – асфальтоукладочными катками и танками с ёхаными минными баронами.

В то время трупы ввиду их великого множества не хоронили совсем, предпочитая быстрое течение реки Моснянки, когти прожорливых зверей и клювы пернатых птиц и ворон. Таким образом, на полях и в воронках ещё долго белели ничьи кости, вызывая умиление у художников-баталистов.

Потом был великий парад, данный в честь высоких лиц – премьер-министра и президента. Президент и премьер-министр сидели сначала на турецких кошах, расстеленных

на розовых индийских слонах, а потом перешли под прозрачный балдахин.

По Красной Площади чинно проходили бригады пузанов в розовых камилльковых чепчиках.

Идут наши защитники, с животами до земли, с шевронами с оскаленным бурундуком на фоне двух облачков и янычарской сабли. Это наши защитнички! Это наши!

Над ними летят самодельные самолёты с абордажными крюками и непонятными значками на крыльях.

Все пороки человечества отражались на лице главнокомандующего – Мусы Абдуллы Ахмеда Второго.

Прошмыгнула, как будто наложив в штаны, дивизия имени Микки Мауса, за ней дивизия Кота Базилио и Лисы Алисы, полк имени Святого Павликуши Пидерского следовал по пятам за ними, хлопая на ходу голубыми шёлковыми шаліроварами.

Потом самолёты сбросили ветеранам мешки с макаронами, а так, как макароны лежали в сыром складе, и были как гранит, убили они немногих, но навсегда.

Одновременно с избиением на другом конце города шло и бурное размножение, которое организовать всё же много легче, чем накопление материальных ценностей и хоть какой-то мизерный порядок.

«Дабы не повадно было измене здесь более жить! Филигранно всех к ноhtю! Не бары поди!», – заявил тут же присутствовавший бравый генерал Отто Орлов-Неполов, руко-

водивший всем почётным делом при барабанном бое и верных залпах наугад.

Хорошо били родные портерные пушки, маслянисто!

И он командовал ими, как дирижёр дирижирует оркестром.

– Жув! Жув! – пели калёные ядра.

– Бенц! Шменц! Дренц! – откликалась знатная полковая артиллерия за Тимошкиным холмом.

– Виу! Виу! – огрызались отменные соломенные мортиры.

– Цук! Цук! Цук! – дробно вторили трофейные германские зенитки.

– Патц! Патц! – подъелдыкивали ржавые отечественные мушкетоны.

Как хорошо, как ладно бьют пушки! Как хорошо жить, зная о близости смерти! Как мило рвутся снаряды в окопах врага, неся смерть и разрушение, как изумительно наступает пехота по изрытому сапогами капустному полю.

Он знал, что очень немногие дойдут до редутов врага, но те, кто действуют – это воистину сыны господни, ибо их помиловало Провидение.

Он был очень хорош в своих зелёных штучных штанах и голубой турецкой обливной кирасе. Как хорош! Донельзя карош!

«Молодцы – ребята! Измена не прошла! И пасть ея мы порвали на куски!» – восклицал он в сплосхе патриотического мочеиспускания, ударяя дермантиновой своей шапкой

оземь.

Ответом ему было троекратное Хура.

Вечером он дал большой бал, где опился до пороссячьего визга и отдал богу душу вследствие сильнейшего апоплексического удара.

О его сменщике сведений как будто бы не сохранилось, но местные жители упорно утверждали, что императора звали Ёхан Вердикт Бабай I – по кличке Аттавистос.

У него был чешуйчатый хвост, раскосые зелёные глаза и косолапые, заросшие густым, мягким ворсом вёсельные ноги.

В то время в области появился подлинный народный герой – ушлый казак Иван Мозжейко, разъезжавший по окрестности с финифтью на лбу и с аккуратной польской палицей в многожильной, сухой руке. Хотя ему очень шёл образ беззаветного народного заступника, одевался он исключительно у французских портных и пил старое «Мадам Клико» и «Дюшуне» 1764 года, весёлых женщин для плясок выписывал почти всегда остзейских кровей – из Ганзы, Клошмерлинбурга и Вальпе, а мизинец оттопыривал почти так же богато, как король Солнце. У него была даже своя мадам помпадур. И был свой Бельведер, где мадам помпадур выгуливалась при палящем светиле. Лунными ночами он играл на цитре. Он любил кроликов и устраивал шумные набеги на прибыльные соляные коптильни, где только мог, жёг почту и телеграф, угомонил гильдию бесштаных

столпников, выслал их на хер, а награбленное сублильное добро и плотную гербовую бумагу тут же раздал чужовским беднякам, которые презент моментально пропили или проиграли в корчме «Заратустра» во фрике. Прочитав в «Земском Листке» о том, что Король-солнце каждый день пил огненный шоколад с плавленным жемчугом, не дозволяя черни такого же удовольствия, смышлѣный казак Иван Мозжейко воскресил древний французский обычай и, уединившись в шинке, присѣрбывая, пил горячий шоколад с кирзовым самогоном. Это был поистине великий человек, совершенно чуждый заносчивости и гордыни.

Его звонкий застольный голос часто слышался из губернаторского особняка, где шли невиданные лукулловы пиры:

– Начальник отдела Размножения и Вязки товарищ Миловидов! Ко мне! Комон! Всем остальным оставаться на стрѣме! Уважаемые працюки и господа! На кого мы равняемся? На матросов! На унтер-офицеров! На наших лѣтчиков-паромщиков!

Просим почтить наш стол вашим должным вниманием! Хо-хо-хо! Сижу я на нибе, тай думку схадаю, чего я сокил, чего ни литаю? Салатик! Раки! У! У! У! Ви вчора в садочку в тихому куточку жде девчина жде! Сѣ е! Вот ещё! Балычки! Свиные отбивные! Сѣ е! Молду шлюбу браво соколына! А им ничего не надо! Ничего им не надо! Зажрались! Сучары вы все коцанные! Балабольки квѣлые! Ослы свинские! Что там ещё? О-о! Икорка! Сѣмгушка! Не откажите, друзи!

Игрисное! Водочка! Всё есть! Что желает душа! А поворотитесь-ка вы, сучары! Мётлы дёрганные! Экие вы похабные стали, экие смешные! Друзи! Прошу не побрезговать закуской и маневром! О, как я хочу жрать!!!

И по его команде все бросались на выставленные сокровища и ели, хавали, лакали, присёрбывали, чмокали, смаковали, жрали так, что было и любо и дорого на них смотреть.

А зачинщик пиршества смотрел на всё происходящее и ликовал.

Его скоропостижная смерть была настоящим ударом для горожан и наступила 3 ноября невесть какого года.

Глава 6

Прерывающая исторические сведения и доносящая до читателя Чисто Теоретические Излияния Автора, неожиданные для него самого.

Глямур! Амур! Тужур! Бонжур!

Я не злопамятный, просто я злой и память у меня очень хорошая!

Ну что, работаем без рояля, как завещал нам великий маэстро Алим Шостаковский? Нас волнует проблема перевода? Нет, не волнует! Все великие музыканты понимали, что их судьба зависит целиком от тех, кто исполняет их музыку! Бетховен считал, что нет никого, кто может его сыграть. Бах презирал ноты и формальных исполнителей. Великий Похлёбкин всю жизнь ожидал Единственного Интерпретатора, который послан Предвечерним Господом для водворения Нирваны и Кармы. Он так и умер, не дождавшись их. А Блок с его поисками «Предвечерней Дамы»? Что это? Что за ...ня такая, не пойму? Что ж... Хм! Переносим музыку на нотный стан сразу, минуя бумагу? Свежее впечатление не должно задохнуться в мытарствах сочинительства! Живая кровь должна

пульсировать там, где текут реки настоящего искусства! Все-за? Против нет? Гм! Хорошо! Не ожидал такого примерного единомыслия! Не ожидал! Да! Что ж... Не будем тянуть резину? Тогда – начали! Прошу вас, маэстро!

И выплыла из тьмы мира маленькая квулая филаргмония с её чёрноликим грифоном на фасаде, кучка людей на освещённой светляками улице, напротив помпезного входа, и обшарпанные кассы с высоченным кессоннированным потолком, и старый зал, шумящий, как роящееся пчелиное гнездо – сегодня полный под завязку, месье, и толстый визгливый конферансье с вкрадчивыми речами ни о чём (нос как ятаган... что-то вспомнить... что-то вспомнить), хитрые карие глаза 30-е годы 30-е годы быстрое воистину стремительное явление маэстро Фрола Клюквинского в чёрном фраке ба с розовой бабочкой в горошек фуфло полное фалдами цоп-цоп не на что посмотреть не глядя в зал гордое брезгливое худое лицо тварь настоящего аристократа кинжальный взгляд нах в суфлёрскую будку небожитель как вышел так сразу строго палочкой по пюпитру бенц-бенц-бенц прошу внимания мол господа тварь сверху вниз трудно содержать оркестр а все музыканты снизу вверх смотрят с ненавистью как зверушки в глаза питону с ненавистью и полным непонимэ потные отождиядения ненавистного начала ненавистный ты смошник и чего тут ваще происходит вон хрюшка хрю-хрю вон зайчик-стребальчик пиу вон соня с поллой виолой а вот мышь девочка ты что тут забыла в норку кыш и чего ты

явился мучить нас насилловать нас и чего хрю-хрю ква-ква цып-цып и грянем лучшее что можем Бородина потому что на другое мы совершенно не способны кто тут сука вообще живёт А по... ть!

И местные голоса слитно шумят в зале.

– Товарищ! Пригласите лучше шлюх! Пусть пляшут танец Тин-А-Тун на журнальном столике! Жизнь должна быть прекрасной!

– Ну что вы, доктор, что вы? О чём вы?

– А то! Будете знать! Да! Сейчас не время книг, сейчас время революционной ломки! Мы должны быстро продвигаться вперёд в меняющемся времени, мы должны оповещать других о своём выборе! Ивестиции стоят в повестке дня! Остро стоят! Страна стала снова готовиться становиться на ноги! Эпоха маломощности, фуфлыжничества и министерской безграмотности позади! Гип-гип ура!

– Гм!

– Что он говорит? Что он говорит? Пусть он помолчит! Здесь так шумно! Так шумно! Так накурено, что ничего не слышно!

– Он говорит об оповещении!

– А надо о музыке! Здесь не ОПСОСПАС! Это филаргония!

– Что? Что оно говорит? Кто он такой? Это что за фрукт?

– Кто?

– Да этот – слева от вас!

– Вы обо мне! Любитель музыки! Модельер, Визажист с большой буквы и имиджмейкер божьей помощью Натаниэль Елдашкин!

– А тот, белый, как церковная мышь?

– Жазист местный! Шторкерзман! Вернее, он алкоголик, но числится жазистом! Очень надменный, когда нажрётся! А нажирается он до полного умопомрачения! Но как играет, когда нажрётся, как играет! Виртуюзя!

– Ах, значит так? Буржуи проклятые! Нажрались, значит, нашей крови, натрахались до умопомрачения, а теперь уж им и деньги подавай! На блюдечке с голубок каёмкой! Нет уж! Нетушки! Выкусите, господа! Не позволим! Петушков таких перевидели! Нас на фиро не возьмёшь! Всё равно, не будет по-вашему! Не будет вам денег! Обосрётесь, господа!

– Да тихо вы, невежды! Тут музыка, музыка! Горловая капелла Юэлто Фавна! В программе прочитал! «Сиракузские печали». Соло на народной анарейской дудке Пис Шпиерзон! Чудо! Сейчас этот отчубарит Бородина, повинность эту сраную, и вразу же капелла начнёт ...ярить! Ну, тише же! Тише! Отключите, пожалуйста, сотовые телефоны! Дышать темно!

Дирижёр надувается воздухом. У него вырастают заячьи микимаусовые уши, и бабочка на груди начинает трепетать шёлковыми крылышками. Палочка идёт вверх, на секунду замирает у потолка, а потом рушится вниз вместе с первыми кривыми звуками великого оркестра. «Венский Филар-

гомнический окресрт». Объявляли: призрак короля Датского и иже с ним суфражистка Анна Чехова. По девкам пойдём, или как?

Полная тишина в зале.

Ах, музыка, пилюляют печалей грешного мира! Как нам без тоби?

Грянули! Пошло!

Глава 7

Первое практическое введение читателя в реальный современный НежнотраховЪ с ознакомлением с местным языком и нравами.

Это было в то далёкое время, когда на столичных телевизионных студиях внезапно вошли в моду молодёжные реликт-шоу и надолго водворились безграмотные толстые дикторши, бочки пивные, поперёк себя шире, всякие там телефонные килеры, развязные юные парни в цветастых капроновых жилетах замелькали в жуть каких бездарных сериалах – знаете, такие чрезмерно наглые ребята. А старое поколение, не успевшее ничего сказать о своём ужасном уделе и бедности, тихо ушло в молчащую сырую землю. Обо всех мне не рассказать, потому что вся моя земля обильно полита нашей кровью, их было столь много – этих людей, и никто никогда не сможет описать наших страданий и нашего бывшего счастья. Да и вроде бы считается, что о плохом не принято писать, мол, это нехороший тон, неприлично! Я знаю, что такое неприлично! Неприлично, это когда все славяне абы кто, с метлой ходят, а все начальники – инородцы! Вот что такое называется – неприлично! Я так думаю, и чем больше

живу, тем больше так думаю. Так я думал, когда увидел этого кретина, с которым мы ещё не раз столкнёмся в нашем поведении. Маленький помощник мамы! Этот кретин тоже был горазд речуги толкать, этого у них не отнимешь. И вот что он говорил дёргающимся ртом:

– Вот вы говорите – Пушкин, Пушкин! А что Пушкин? Что Пушкин? Пушкин-Пушкин! Взяли себе за правило Пушкиным всё затыкать! Все дырки? То же мне ещё! Мерило! Пушкин! Ну и что Пушкин! Пушкин – это вам не галион! Он, что, по воде ходит, или накормил всех рыбой? Откуда вы его взяли? Ну откуда? Пушкин... Пушкин! Что Пушкин? Что Пушкин? Это раньше был Пушкин! Это раньше было наше всё! Сто лет назад при пещерном коммунизме, о котором Пушкин слыхом не слыхивал! Тогда и разговоры были и юбилеи, и гонорары за найденную туалетную бумажку с мадригалом скверному обеду или описанием только что осквернённых ножек. Этой засраной бумажке радовались, как второму пришествию никогда не радовались! А теперь бабки – наше всё! Бабки – наш Пушкин!

Этого вифлеемского малыша хотелось убить сразу. Взять – и убить на глазах у его мамы! Лучше бы сама мамуля, раскаявшись, убила его! Чтоб потом не было ни двадцати веков мерзкой демагогии, ни этих поганых Румских Пап с треугольной землёй, клобуками, индульгенциями и чётками, ни вонючих монахов с вервиями на гульфах, ни чудовищных процессов ведьм с кострами и прокажёнными

ми страстотерпами, ни бесконечных толп этих жалких, всегда обманутых кретинов с крестами! Взять – и тихо удавить! Как Арина Родионовна удавила обидчика Сашеньки Мэтью Попкорна в 1803 году пополунди. Как Анна Каренина удавила Вронского. Как Дон Кихот заколбасил доблестного Санчу Пансо, когда тот отказался быть губернатором острова Борнео.

Он, конечно, горячился, визжал, шипел и соплями брызгал предупредительно в разные стороны, как Кампанела. Всю улицу заплевал. От рва до Главной городской башни. Бесился от своего Эго! И ушёл, как последний пароход из Крыма, увозя на пупырчатых шеях графьёвворованные народные бриллианты.

Он любой разговор, любую тему рано или поздно сваливал к Пушкину и его героическому декабристскому окружению. Я его послушал и прослезился, так он меня достал этим Пушским. В гробу тому вращаться дай бог без усталости и печали, как он меня достал! Но слушал его исправно, надеясь на хорезмский алмаз в потоке ньюйоркских помоев.

– А что делать с челобитчиками? – вопрошал он.

– С какими челобитчиками? А-а! С этими?!.. Челобитчиков молодцевато бить палками по ягодицам и гнать взащей! Прочь с глаз моих! Не хочу вас больше видеть пред... это... А теперь скажи, осмотрел ли ты хоромы, убедился, запорты ли все двери? Целы ли склады и запасы? Кормлены ли куры и сурки в пентхаузе? Там ведь вся чечевица и фасоль

нашей республики! Не просочилась ли вода в катакомбы? Не повреждены ли пломбы на амбарах, где хранятся серые острожные валенки и едкая кубовая соль? Где враг?

– Нет! Всё будет сохранено для подомков!

– Что нет, что-то пропало?

– Нет, просто я этим не занимался! Не проверил!

– У тебя всё просто! Молодца! Борю Годунова подвёл! Ну, тогда я сам проверю! Ключи сюда! Ключница! Где ключник?

А потом он испарился. Его место сразу занял мой приятель, имени которого я не буду называть – выпивоха, плут, каких ещё поискать надо, любитель высокого искусства, анахорет, решивший сейчас развлечься, не к месту присев к компьютеру и делясь излюбленными мыслями со своей любимой женщиной – довольно высокой блондинкой. Она иногда любила его тело, но душу не любила. Не находила её человеческой.

Они иногда встречались в его разваленной квартире, которая столь же походила на человеческое общежитие, как и на пещеру святого Маэля.

Там они оттягивались лососиной, развлекались тимпанамми, слушали музыку, саурременую, фа-соль-си, дьявол её задери, исчадие ада ваша музыка, и вообще делали всё, что вздумалось. Ни у кого не хватало смелости упрекнуть их в бахвальстве и самоуправстве, кои признаются везде самыми смертельными грехами, исключая, разумеется, прелюбодеяние и неискоренимый старческий маразм.

В момент его самой высокой грёзы она, как обычно по пятницам, подкралась к нему сзади и, напевая древний мотив «Хероусак уехал в Ватикан», томно вылила томатный сок на его лысую античную голову. Она вылила полный стакан томатного сока на его античную, слегка ассиметричную голову! Вылила! Даже не отпила прежде! Вот сучка! Вылила сок и тем прервала высокий полёт его мыслей о родине. Падла!

Когда мысль улетает слишком высоко, её лучше всего охлаждать томатным соком. Вылила и тем показала, как она на самом деле уважает его. Унавозила его иссушенный, истощённый ум! Показала, как она любит его неистово и серьёзно! Как Пока любит Чачу, как Машенька любит медведя!

Дико каркая, над ними, в высоком небе пронеслась стая прип..днутых архангелов. Их удивлённые лики вытягивались на тонких шеях, и крылья резко рвали воздух над зелёными холмами. Они долго кружились над землёй, как вороны, что-то высматривая в круглом ландшафте, а потом спикировали, как «Штуки» на Салоники и разом сбросили зверские портерные бомбы.

О бог Люфт! Верим в тебя! Знаем всё о тебе! О бог Люфт! Как хороши твои авионы! Как ладно пикируют «Штуки» на врага! Боже, защити их, благослови их в деяниях их!

– Да вы – Ромео! Настоящий мужлан! Витиеватка! – сказала она, пока он поворачивал голову в сторону пикирующих, ещё не успев предать себя неистовому гневу.

И медленно поворачивал он выю, ещё не осознавая свершёного в мире.

Он вскочил, вытирая проплешь, и согретая архангелами, уже нёсшимися в обратном направлении, стоя клинических мыслей закопошилась в его мокрой голове.

Я хотел сказать – «кинических», да не мог...

А в мокрых ушах звучал мистический, сырой голос, призывавший его к гармонии и братству, говоривший такие современные, острые, правильные слова:

«Мы – славяне! Мы тысячи лет живём на своей собственной земле, которую у нас отняли, живём, словно гости какие, без места в жизни, без неба и надежды. Уже вытеснили нас всех потихоньку на обочину жизни, на помойку; обманули, разорили, поморили, в трёх соснах поводили в охотку, поубивали в войнах кучами, поколениями, пластами, не считая, не уважая. Как скот нас гнали, сволочи, на эти мерзкие войны, перебили всех, а теперь ещё и смеяться стали над немногими уцелевшими в потраве, над их обедневшими детьми, потешаться стали – мол, какие мы глупые, какие смешные, какие уродливые, неловкие, как выродился наш род, как измельчал! Смейтесь-смейтесь! Я тоже смешной перед вами! Глупый, перед вами – умниками свинскими, стою один! Я слушаю ваши подлые речи, я внимаю вашим гнусным словам! Говорите! Ведь шоу продолжается, не так ли? Не так ли, господа?

Что ж... Мы, немногие, лучшие люди, рассеянные по зем-

лям, будем надеяться на крах этого мерзкого, маргинально-го Харистианского мира, будем молиться своим незапятнанным Богам, чтобы это произошло, ибо только на обломках старого мира возможно появление Нового Языческого Мира. Это будет другая история, наша Новая История.

Кто виноват, государство ли это ничтожное, пятая колонна, глупость и доброта наша – какая разница, в конце концов! Есть результат, и он таков. попросту говоря, он плачевен! Теперь начальство, правда, уже почувствовало, что кругом палёным всё сильнее воняет, фу, фу, что-то не так в королевстве Обломском, что-то изменилось в мире, нах, трансформировалось прежде всего – в нас самих, поняло, что тихой сапой в рай теперь по нашим трупам не пролезть, и этой шушере, какая нами сейчас руководит, не дано будет на пенсии цветочки на грядке разводить, слава те господи, а скорей всего ей предстоит убиенной в земле гнить, как раньше прихордилось нашим предкам. Или слинять за границу, где их килеры будут одного за другим патронить из цейсовских оптических прицелов! Шпок! Шпок! Скоро вашей конституции здесь не будет, господа! Другая будет! Новая! Не такая хреновая! Скоро здесь сообще будет национальная революция! Ура! Мы, славяне, её ждём, как ману небесную! Молимся ей! Вот мне никто не верит, что будет, а я знаю это! Я знаю! Она Будет! Я никогда ещё не ошибался! И у нас будут паспорта, где никаких двуглавых не будет, а будет написана наша великая национальность в первой графе, и сто-

ять древний арийский знак, от которого все жрецы шарахаются в разные стороны с перекошенными мордами и ртами, как оглашенные чмыри! Всё – будет! Чай-какава «Зимний» будет вам! И в телевизоре я больше никогда не увижу эти мерзопакостные чужие рожи с их гнилыми, пустыми речами! Не хочу их больше слушать! Не хочу их видеть! Прочь!

Да здравствует национальная Революция и освобождение моего народа от векового гнёта! Да сбудутся наши вековые мечты! Ура!»

Ничего себе – речуги!

Да вы, сюдарь – кар-бо-нарррррр!!!

Глава 8

**Довольно длинная, в коей впервые
появляется белокурый, героический
герой Алесь Хидляр и произносит
некоторые зажигательные
речи, сочиняет великолепный
гимн И-И-Исмусу Харисту,
бичует кривду, а также видит
странные пророческие сны.**

«Ну, вот, это я – Алесь Хидляр! Теперь все расскажу по порядку! Хотя не знаю, есть ли у меня сейчас то, о чём я могу рассказать? Начинать можно и со вчерашнего дня и с дней юности! Ты ведь давно петляешь по её просторам, парень! Не правда ли?

Жизнь так изменилась, и надо признать, не в лучшую сторону! И люди тоже! Только я не меняюсь!

Только Провидению доступно спасти мой народ и страну! Сегодня я лёг спать довольно поздно и уже стал потихоньку кемарить, воображая зрелых женщин-брюнеток в минуту абсолютного любовного исступления, томления и восторга, как услышал со двора голос моего милого, ненаглядного со-

седа. Я не знаю и никогда не узнаю, как зовут этого доброго человека, принадлежащего, по словам знатоков, к Нежно-траховЪской мафии. Его все боятся! В своё время он сколотил капитал на рулетке, рэжете и взятках! Молодца! Тут не бывает других соседей! Все такие! Всегда у нас так, вот только начнёт человек мечтать и думать о чём-нибудь хорошем, как какой-нибудь козёл всё испоганит и «День Победы» петь начнёт! Всегда так! Только я успел подумать, что не дай бог какой козёл начнёт петь «День победы», как он запел «День победы, как он был от нас далёк»...И всё такое прочее... Наверное, мысли мои на расстояние передаются. Всегда так, только я успею подумать о чём-нибудь, как вот оно что – уже тут! Пел он, как Алябьев трахнутый, таким презерзким, бабьим, сырым голосом, и так громко, что я был готов прослезиться от умиления. Но когда я включил свет и взглянул на часы, моё детское умиление сильно поубавилось – было уже три часа ночи. Недецкое времечко! Они что тут, совсем ох..., эти негоцианты с рекитерским прошлым? Сон испарялся, сменившись раздражением. Три часа ночи! Это не то время, когда хочется любить родину и петь ей боевые песни! Совсем не то! Это время спать и видеть сны про блондинок и брюнеток, сны про шатенок с глазами газелей наконец! А не это фуфло в майке слушать! Я ведь всегда умудрялся довести своё видение этих женщин до визгов и сучьей поволоки в глазах.

Иногда останавливаясь, чтобы передохнуть, мой сосед

благополучно довёл до конца свою ночную серенаду и, разогнав своих верных девок, для которых, как оказалось, он и старался, удалился, грохоча деревянными башмаками и часто падая в тёмном лестничном пролёте.

Я долго ворочался, а потом всё же уснул.

И снился мне сон.

«Красное солнце вставало на закате, темня глухой лес. Честный Заяц по имени Фрол Красноглазка пугливо пробежал по кровавой стрехе, оглядывая собственные уши всевидящими, прозорливыми, воистину божественными глазами. То ли то? Кругом дюди, самодвижущиеся механизмы, охотники. Заяц обалдел от беготни по кустам и мечтал теперь только о тихом покое. Его натренированное в Лужниках серое тело подрагивало в прекрасных, ритмических движениях, не описанных в человеческих словах. Прыг-скок! Заяц-заяц! Ему никогда не осознать свою абстрактную жизнь, не запечатлеть её в твёрдой памяти. Его цели ясны, а намеренья расплывчаты.

Заяц есть Заяц,
А Крот есть Крот,
Им суждено быть в м...,
Пока Господь их не уе..т
На страшном Господнем Суде!

Что есть заяц? Заяц – это не Пушкин! Это не Гоголь! Не Толстой и не Тургенев! Это малое дитя Матушки Приро-

ды! Всего лишь! Индивиду и истинный! Не мне вам объяснять такие банальности! Он не понимает и на понюх Пиплии и не переносит человеческой речи. Не знает слова «консенсус» и не писает мимо унитаза. Его счастье в том, что у него нет унитаза, и если из зайца посреди дремучего леса ударила струя, это ещё не означает, что он писает. Ему чужда толерантность и отвратительна релевантность! Ему не нужны коммунизм и Харистианство! Он может позволить себе открыто не любить анареев! И ещё всех тех, кто ел его капусту. И даже скача по лужку в Европе, заяц может не признавать халокост, ничуть не рискуя сесть в тюрьму!!! Он не хочет знать ни Моисея, ни Авраама, ни Адоная, ни Адама и даже Юдифь для него тьфу!!!!!! На... нужна зайцу эта мутная Юдифь? Такой уж это типок, такой! Заяц – Большие Уши!!!!!! Но как многого он достиг!!!!!!

Пока мы тут рассуждаем о пуповинной, неразрывной связи анарейских пророков с зайцем-стрибальцем, в мире уже многое произошло.

В Ираке взорвали несколько грузовиков со взрывчаткой, в Сомали умерло от голода несколько тысяч человек, слесарь Толя Бабаев напился вдупель в подвале дома на Малой Рыночной, потом поехал в трамвае по Малой Арбейтской улице, неся на коленях своих огромный арбуз. Там же, в трамвае его накрыл приступ белуги, и он стал неистово кричать: «Что это за срана? Что это за срана, я говорю?..»

Никому и в голову не пришло объяснить ему, как называ-

ется наша незыблемая родина. А он продолжил инсинуации и выкрики с мест. Пассажиры заметили, что у него белуга только тогда, когда он стал по отечески нежно разговаривать с арбузом и даже просить у него за что-то прощения. Потом он резко, как корнет, откинулся головой назад и впал в про-страцию. А может, и умер...

А под бронзовым Сашей Пушкиным в несколько рядов уже строились добролицые, широкоплечие негры – адвентисты Седьмого Дня Страшного Суда Втуницы, строились, чтобы провыть песню о добром посланце небес Исмусе Харисте.

Их пастор евангелист Пётр Каракатин-Гиря сказал сегодня такие слова, такие слова! Что же им чтожеим сказал еванледист Пётр Каракатин?

Сегодня он говорил долго, но когда совсем распалились, понёс истинные откровения:

«...Вот уже вторую неделю идёт на телевидении наша передача «Час Харистианского Слова». Вторую неделю наши лучшие специалисты нашей Проточной церкви посвящают своё время и силы духовному совершенствованию уверовавших в Исмуса и познавших тайну Харистовых благ. Лозунг нашей программы – «Подари свою квартиру Господу!..

...Неважно то, что мы думаем о Боге! Важно то, что Бог думает о нас! И те, кто уже навсегда полюбил слово Исмуса и сделал его своей плотью и кровью, и те, кто бродят во тьме безверия и греха и под давлением дьявола до сих пор сомне-

ваются в несомненном, Боге — сомневаются, присоединится ли им к братьям по вере — в конце концов все они ждут милости Божьей и готовы сами оказать милость своему ближнему и Богу! Наша церковь своей программой «Подари квартиру Господу» указывает путь милости и сострадания, пройдя который каждый человек обретёт свет мира и радость великую!...»

Как дальше обрабатывались пастором сыны Харистовы, мы не знаем. Не знаем мы, последовал ли за зажигательной речью пастора приказ идти на площадь к Пушкину распевать песни, или не был? Прислали ли их церковные иерархи, дабы посланцы своим примером вдохновляли неверующих страдальцев, пришли ли они сами собой в порыве фанатизма, кто знает! Мы не будем допрашивать и пытаться их, не будем узнавать, как они завтра распорядятся своей квартирой, ибо дело безнадёжное, и послушаем то, что они исполняют...

Они были серьёзны, как никто никогда, и Харистос, будь он их слушателем и зрителем, точно усмехнулся бы в свои шоколадные усы. Точняк!

В один присест они запели свою немудрёную песню, да так ладно и стройно, как только однажды пели солдаты Седьмого драгунского гвардейского полка, расквартированные двести лет назад в Алапуевских казармах по случаю осады Кимр и Белого Городка.

Они покачивались, как волны чёрного моря, но если бы песню пели китайцы, море было бы Жёлтым:

«Он был хорошенький такой,
Всё время шёл вперёд,
Пока не пострадал герой,
Отправившись в поход.

Его прибили к палке
Античные весталки.

Это был Исмус Харистос
В белом венчике из роз.

Наш Харистос – рыбак в Генисарете.
У него большие невода.
Любят его взрослые и дети,
Проходя небесные Врата!

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!
Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

Он идёт к нам с милыми дарами,
С веточкой оливковой в руке.
Мы его все встретим в божьем храме,
С ласковой улыбкой на лице.

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!

Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

У Хариста за пазухой тепло нам,
Будто вечный огонь во тьме горит.
Он расскажет правду этим клонам,
Он вампиров мигом просветит.

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!
Несёт груз, несёт груз
Исмус, Исмус!

Наш Харистос – рыбак в Генисарете.
У него большие невода.
Любят его взрослые и дети,
Проходя небесные Врата!

Исмус, Исмус
Несёт груз, несёт груз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.